

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОРТИК

Фрон Шираха

РУБЕН МАРКАРЬЯН

Исторические приключения

Рубен Маркарьян

Кортик фон Шираха

«Яуза»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Маркарьян Р. В.

Кортик фон Шираха / Р. В. Маркарьян — «Яуза»,
2020 — (Исторические приключения)

ISBN 978-5-00155-168-3

К адвокату Артему Каховскому попадает кортик лидера нацистской молодежи Германии Бальдура фон Шираха. За этим мистическим артефактом, дающим власть над правосудием, охотится тайное общество «Немецкий клинок». Таинственные события, начавшиеся в олимпийском Берлине времен Третьего Рейха, получают неожиданное продолжение уже в наше время... Читайте новый роман Рубена Маркарьяна, автора «Ключевой фразы», лауреата литературной премии имени Анатолия Кони Академии литературной документалистики и премии Козьмы Пруткова Санкт-Петербургского детективного клуба. Известный российский адвокат Рубен Валерьевич Маркарьян принимал участие в ряде громких судебных процессов и является лицом популярных телепроектов «Суд присяжных» и «Окончательный вердикт».

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-168-3

© Маркарьян Р. В., 2020
© Яуза, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Рубен Маркарян Кортик фон Шираха

© Маркарян Р.В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Глава 1

– Если бы эта Зинаида имела хоть чуточку женской души, если бы на самом деле любила этого любовничка-генерала и если бы хоть чуть-чуть понимала и ценила сердце мужа, легко бы распутала положение!

Тина, рыжеволосая помощница адвоката Каховского, выполнявшая одновременно функции секретаря, поставив чай на стол перед шефом, заглядывала через его плечо в монитор.

– Да? – читавший материалы дела с экрана адвокат повернулся. – Интересно!

Тина важно поправила челку, зажмурилась от удовольствия. Шеф был явно расположен к беседе, что ей всегда импонировало. Пользуясь моментом, затараторила:

– Конечно, муж бы пострадал чуть-чуть, но сама Андреева достигла б желаемого без катастрофы для себя, осталась бы жива. Подготовила бы сначала мужичка, издалека, а потом сказала, например, так: «Миша, со мною случилось горе. Я полюбила другого. Не вини меня. Ведь и ты когда-то пережил то же самое. И твоя бывшая простила. Прости же меня и ты. Я тебе отдала лучшие годы. Не принуждай меня быть такой же любящей, какой знал до сих пор. Это уже не в моей власти. Счастья у нас не будет. Отпусти меня, Миша. Ты видишь, я сама не своя. Что же я могу сделать?»

Тина торжествующе посмотрела на адвоката, ожидая оваций.

– Это обезоружило бы Андреева? – с сомнением произнес Артем. – Тебе не кажется, что в этом случае он, вероятно, покончил бы с собой?

– Может быть, – Тина разочарованно пожала плечами. – Но тогда не было бы никакого преступления.

– Ну да, самоубийство – не преступление. Просто смертный грех, – согласился Артем. – Есть еще доведение до самоубийства, хотя... Не слышал, чтоб кого-то осудили по этой статье...

– В Японии, знаю, самоубийство вообще не грех. Это способ не выплачивать ипотеку, – Тина тряхнула рыжей копной волос. – Артем Валерьевич, я что хотела сказать-то. Она и генерала этого тоже не любила ведь. Я думаю, вы легко присяжных убедите. Тут же все очевидно. Она взбесилась, что муж осмеливается перечить ее капризу. Слишком самоуверенна. А Андреев этот, видать, тихоня. Она и поступила с ним, как дикое существо, забывшее о всем человеческом. Вообразила себя знатной дамой с властью Путина...

Артем строго взглянул на девушку, затем провел взглядом по углам потолка, намекая на незримое присутствие всевидящего ФСБ, и приложил палец к губам.

– Ой! – Тина прихлопнула рот обеими ладошками.

Артема забавляли эти детские непосредственность и реакция на шутки.

В пустой приемной зазвонил телефон. Тина зацокала каблучками по паркету, чуть не падая. Через пару секунд ее испуганный голос прозвучал из динамика аппарата на столе Артема:

– Артем В-в-валерич... Вам из ФСБ звонят...

– Доигралась? – строго сказал Артем, еле сдерживая смех. – Вместе в Сибирь поедем, Валя?

Смена Тины на Валю в исполнении шефа означала, что он сердится.

– Соединять? – упавшим голосом спросила Валентина.

– Ну, а что теперь делать? Не бежать же мне через окно, как твои японцы.

В динамике заиграла музыка. Артем переключился на трубку. Знакомую мелодию прервал незнакомый мужской голос.

– Артем Валерьевич?

– Да, это я, чем могу помочь?

– С вами говорит генерал Майоров. Слышали, наверное?

– Слышал. Здравия желаю, товарищ генерал.

Артема мало удивляли подобные «неожиданные» звонки.

«Когда ведешь дело, не удивляйся ничему, а уж тем более ожидаемому», – любил говорить один из старых адвокатов-учителей Артема.

– Артем Валерьевич. Полагаю, вы понимаете, что вопрос деликатный, поэтому нам необходимо встретиться и переговорить.

– Понимаю.

– Можем пересечься сегодня вечером? В районе 20-ти? Можно даже в вашем районе, на Арбате. Там напротив вашего дома есть неплохой ресторанчик грузинской кухни.

«Ненавязчиво показывает осведомленность. Где я, что я, кто я, все, мол, знаем», – подумал Артем, а вслух произнес:

– Ну не на Лубянку же ехать к вам? Раз уж вопрос хоть и важный, но не государственный. В трубке раздался короткий командирский смешок. Оценил, значит.

– Добро! Решили. До встречи.

Генерал повесил трубку первым.

В приоткрытую дверь заглянул на полфазы солнечный диск лица Тины.

– Все в порядке? – осторожно спросила она.

– Увидим, – с напускной строгостью ответил Артем. – Вызывают. Будут допрашивать. Уж не знаю, «сдавать» тебя или нет...

– Артем Валерич, если виновата, сдавайте, конечно, – самоотверженно произнесла Тина, показав вторую часть «диска».

– Если будут пытаться или вколют «сыворотку правды», сдам! А так нет! Никогда! – не глядя на Тину, сказал Артем и начал собирать портфель. – Пойду домой, за вещами. На всякий случай.

Вышел из офиса, улыбнулся солнцу. Запах весны защекотал ноздри строительной пылью сменяемого тротуарного покрытия. Москва боролась за красоту, играя накачанными бюджетными мускулами. Скоро будет лучше чем «у них». Артем двинулся к дому, по дороге размышляя о деле и обдумывая предстоящий разговор с генералом. Сверкая глазами современных тройных стеклопакетов, мимо проплывали нарядные отреставрированные фасады старых доходных домов. В одном из таких Артем вчера провел полдня, допрашивая своего подзащитного с браслетом домашнего ареста на ноге.

– А ведь она слала сообщения, как и прежде: «Милый Миша», «Добрый Миша...», – всхлипывал, вспоминая подробности, Андреев. – Как всегда просила денег на мелкие расходы... Я же сам настоял, чтобы они поехали с дочерью в Монако на все лето... А как в Монако без денег? Не то это место...

Михаил Андреев был вполне состоявшимся и состоятельным господином, работавшим в банке всю жизнь. И вот надо же, удивил господ полицейских, явившись с повинной. Убийство.

Артем живо себе представил, как отвисли челюсти у стражей порядка в местном отделении полиции, когда Андреев пришел сам, в домашней рубашке и тапках, аккуратно положив перед дежурным завернутый в пакет кинжал, на окровавленном лезвии которого отчетливо читалась надпись готическим шрифтом «Blut und Ehre»¹.

Весьма странное увлечение для банкира – коллекционирование холодного оружия Третьего рейха – было предметом колкостей коллег. Но Андреев спокойно относился и к шуткам, и к подозрениям в почитании нацизма, ибо клинки собирал исключительно из интереса к истории, немецкий период которой с 1933 по 1945 год остался мало изученным в его советском образовании.

¹ «Кровь и честь» (нем.). – Здесь и далее прим. авт.

Кортик с надписью «Кровь и честь» был оружием командного состава молодежного союза «Гитлерюгенд», которым руководил имперский лидер молодежи рейхсгендфюрер Бальдур фон Ширах. Никакого значения в выборе орудия преступления ни надпись, ни нацистские символы на рукоятке не имели. Просто этот предмет коллекционер Андреев только что удачно купил в антикварной лавке на Арбате, место в коллекции он еще не занял, лежал в портфеле в том же самом пакете, в котором потом окровавленным и был доставлен в отделение.

– В самом последнем смс написала: «Сожалею, что ты не с нами...» Где уж тут догадаться, что с ее приездом вон что... – Андреев вздохнул. – Об этом генерале-любовничке я только слышал от жены, где-то давно с ним познакомилась. Сам я с Майоровым разговаривал раз в жизни на какой-то выставке, уж не помню, что меня туда занесло... Или его... В квартире у себя я его никогда не видел, и вообще все, что тянулось между Майоровым и моей женой около трех лет, было скрыто, так что об этом генерале я думал столько же, как о всяком прохожем на Арбате...

Андреев тогда замолчал, уставился в окно своей дорогой московской квартиры, машинально наклонившись к электронному браслету на ноге, почесал щиколотку.

Каховский благодарил Бога, что ему, адвокату, не нужно выстаивать очереди в СИЗО для встречи с «пациентом» под домашним арестом, а всего-то пройтись по свежему воздуху арбатских переулков. Они с Андреевым были соседями, жили в параллельных домах.

– Жена приехала, и...? – попытался Артем вернуть Андреева к рассказу.

– Да... Извините. Жена приехала. Знаете, одна изумительно циничная подробность: в первую же ночь она мне отдалась. Не выполнила супружескую обязанность, а именно отдалась. Вы в курсе, как это бывает?

Артем понимающе улыбнулся.

– Хотя сказала, что заболела. Да и по прилете не выглядела совсем здоровой, – продолжил приободренный улыбкой собеседника Андреев. – Непременно требовала ласки! Этого поступка я не пойму... В самом деле. Где логика? Ведь это новое и последнее сближение со мной неминуемо должно было удвоить мою будущую ревность после ее признания. Она, вероятно, думала, что после секса «её Миша» будет добрее? Действительно, на следующее утро, за завтраком, развязно так посмеиваясь, вдруг брякнула:

– А знаешь? Я выхожу замуж за генерала Майорова...

– В этом непостижимость женской души, Михаил, – предположил Артем. – Она так прощалась. На прощание сделала подарок.

Андреев хмыкнул.

– Ну, в ее понимании – подарок, – попытался разъяснить мысль Артем. – Женщины – романтики. Даже разрыв отношений должен быть обставлен красочно, ужин, свечи, секс и расставание... такое романтическое... Чтоб потом вспомнить, как было красиво.

– Очень красиво вышло, ага, – грустно сказал Андреев, качая головой. – Нереальная красота!

– Ну, перестаньте, Михаил, – адвокат снова попытался развернуть Андреева от эмоций к делу. – Если после этих слов вы схватились за нож, то присяжные могут не поверить в аффект. А мы решили, что это наша позиция. Вы действовали в состоянии аффекта.

Андреев как-то странно посмотрел на Каховского. Взгляд остекленел, зрачки сузились.

– Не после этих слов, конечно, – выдавил из себя. – Она сказала что-то про высокое положение в обществе, которое ей даст статус генеральши; про возможность, наконец, утереть нос своим подругам, какой-то еще бред... Последнее, что помню, это слова: «Если попытаешься помешать, я тебя уничтожу!»

– Ну, это почти угроза, Михаил, – адвокат черкнул что-то на листе бумаги.

Зрачки Андреева из булавочных головок превратились в колодцы, будто его внезапно обуял ужас. Он понизил голос и произнес:

– Артем Валерьевич... Это звучит странно, но готов поклясться, не я схватился за нож!

– Да!?! – адвокат радостно подался вперед. – Она? Она первая? Как это было, рассказывайте! Это ведь в корне меняет дело! Это может быть самозащита, в крайнем случае превышение пределов необходимой обороны...

Андреев продолжал смотреть на Артема широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

– Нет, Артем... Валерьевич... Она не хватала. Клинок... понимаете... сам прыгнул в руку.

Глава 2

В ресторане Артем появился за десять минут до времени встречи. Как будет опознавать генерала не тревожился. Тот сам подойдет. И мобильный Артема наверняка Майорову известен.

Подошел к свободному столику, сопровождаемый услужливым официантом с лейблом «Гиви» на белой рубашке. Заказал кувшин тархуна. Сел, огляделся по сторонам. Улыбнулся интерьеру, ресторан был разделен на зоны с именами: «Дворик Мананы», «Веранда прокурора района», «Шашлычная у Бичо». Пахло соответственно, как в шашлычной, дымно и вкусно.

Генерал появился, как и положено генералу, в дорогом костюме и сопровождении порученца в костюме формата «приличный». Майоров, среднего роста спортивный пятидесятилетний мужчина, с чуть тронутой сединой копной каштановых волос, олицетворял новую волну руководителей «конторы».

В меру властный; не сказочно, но весьма состоятельный, непримиримый к врагам отечества генерал-майор ФСБ Кирилл Майоров картинно передал принесенную зачем-то с собой папку сопровождающему офицеру и протянул руку Артему для рукопожатия.

– Кирилл, – вежливо представился генерал.

– Артем, – в аналогичном тоне ответил адвокат.

Присели за стол. Порученец с папкой под мышкой удалился. Официант принес кувшин с зеленым напитком и разлил по бокалам.

– Будем что-то есть? – по-приятельски осведомился генерал.

Такая постановка фраз «не на Вы» и «не на Ты» выдавала неплохого психолога.

– Само собой. Не кофе же пить двум статным красавцам. Не поймут окружающие, – подыграл Артем.

Майоров улыбнулся. В силу должности он любил тонкие гомофобные шутки.

Заказали шашлык и овощи. От спиртного отказались, с пониманием подмигнув друг другу.

– Артем, я навел справки, вы считаетесь в наших кругах толковым и честным адвокатом, – все-таки решился «на Вы» генерал.

– Спасибо, – Артем улыбнулся. – Для адвоката, тем более в «ваших кругах», такие эпитеты весьма лестны.

Генерал в ответ тоже воссиял циркониевыми зубами.

– Вы защищаете Михаила Андреева. Об отношении погибшей со мной в курсе? Эту женщину я любил. Поэтому хочу, чтоб мы поняли друг друга. Убийца должен получить по максимуму. Дело принципа, – Майоров проговорил текст, будто готовил заранее.

После короткого спича лицо генерала олицетворяло эталон решимости и искренней любви к женщине в его личном понимании.

Артем отхлебнул тархуна, покрутил бокал, разглядывая на просвет. Зеленое внутри было мутным, как болотная жижа.

– Слишком приторно, – сказал Артем.

– Что, простите? – нахмурился генерал.

– Говорю, сахара в тархуне много.

– А..., – генерал почувствовал в словах собеседника издевку. – Артем, вы меня понимаете?

– Понимаю, – кивнул Артем. – Только не возьму в толк, в чем проблема? Получит ваш «злодей» срок, максимум или не максимум – суд решит, как говорится. Вам бы не ко мне, а к вашему «смотрящему» за судом. Я-то что? Всего лишь защитник. Вы с судом не можете решить, что ли?

Генерал посмотрел на Артема с праведной неприязнью.

– У нас нет «смотрящих» за судами. Кураторы есть, но это иное.

Артем пожал плечами, мол, «какая разница».

– Мы можем «решить» с судьей, Артем, – продолжил генерал. – Но суд присяжных...

А вы в этом деле, знаю, специалист. Могут ведь и оправдать... Случайно. Такое же бывало в вашей практике?

Каховскому надоела эта игра. Вечер можно было испортить и по-другому, например, посмотреть футбол в исполнении российской сборной.

– Товарищ генерал... Кирилл... извините, – Артем заметил, как дернулись брови Майорова при упоминании звания. – Давайте лучше начнем разговор с другого конца. Я понимаю ваши принципы. Вы любили эту женщину. А она вас? Достояна ли она того, чтобы вы шли на принцип?

– О мертвых либо хорошо, либо..., – генерал опять посуровел.

– Да я не собираюсь говорить о ней плохо. Я хочу объективности. Вы ведь не коррумпировать меня собрались, верно? Объективности же хотите? Чтоб справедливо все...

Майоров кивнул, соглашаясь.

– Ну, так убедите меня? Я ведь знаю о ней только со слов ее мужа. Ну и пары-тройки свидетелей... Да материалов дела чуть-чуть...

– Она была честной, правдивой, умной и скромной женщиной. И я ее любил за это. Кажется, этого достаточно. Можете поверить на слово, – сказал, как отрезал, генерал.

«И любовь у них какая-то уставная... Как к Отчизне», – подумал Артем и разозлился. Портить вечер, так уж портить по-настоящему.

– Кирилл... Давайте тогда я расскажу, что думаю. Чтоб нам было легче вести диалог.

Генерал молча кивнул.

– Тяжело говорить о мертвых, – начал Артем. – Гнусно было бы лгать, потому что возразить не могут. Но, как сказал князь Святослав тысячу лет назад, «мертвые срама не имут», а значит, высказывать о них правду не только возможно, но даже необходимо. Для справедливости. Как урок живым.

Подошел официант, поставил перед мужчинами блюдо с шашлыком. Оба даже не взглянули на призывно дымящееся мясо.

Артем продолжал:

– Андреев был счастливо женат десять лет, как вам известно, когда в его жизни появилась Зина.

Генерал чуть заметно опустил уголки губ.

– Связавшись с Андреевым, прижив от него ребенка и переманив его к себе на правах мужа, Зинаида Николаевна сообразила, что приобрела семейное положение, но нисколько не утратила свободы. Она все так обставила, что, как ей думалось, ничем не рисковала. Почти весь день был в ее распоряжении, так как муж работал в городе с утра дотемна. Кроме того, ей удавалось ездить одной, куда хотела, включая клубы и театры, куда муж не заглядывал. Наконец, она усвоила привычку жить летом в Монако, куда муж приезжал только два раза в месяц на выходные. Везде, где она появлялась, производила эффектной наружностью впечатление на мужчин. Это ей нравилось. Легкость обращения с ними у нее с юности. В деле есть свидетельские показания, что добиться внимания Андреевой было нетрудно. Возможно, поэтому она не раз обманывала мужа. Но присяжных будет интересовать только один ее роман, весьма длинный – с вами, Кирилл. Хотя, впрочем, вынужден добавить, что лично я подразумеваю здесь роман только с вашей стороны, вы, вероятно действительно были влюблены.

А она? Я не заметил из тех материалов, с которыми ознакомился, что в ее жизни был хоть один случай, где бы она любила кого бы то ни было, кроме себя. И как это не покажется прискорбным для вас, думаю, что и вас она не любила.

Генерал сжал кулаки и злобно посмотрел на адвоката.

– Вы же просили о встрече? Мы должны говорить откровенно, ведь правда? – попытался Артем смягчить резкость своих слов.

Майоров неохотно взял вилку, ткнул в кусок остывающей баранины и отправил в рот. Запив тархуном, откинулся на спинку стула, демонстрируя готовность слушать дальше.

– Вот вы, Кирилл, аттестуете покойную с наилучшей стороны: правдивая, честная, умная, скромная... Так ли это? Правдивая? Она же солгала вам еще при первой встрече что замужем? Честная? Она еще пару лет назад, живя в достатке с мужем, взяла от вас бог знает на что двадцать тысяч долларов. Припоминаете? Не шубку попросила, не туфельки, а денег! Об этом тоже есть свидетельские показания. Умная? В практическом смысле да, она была не промах. Но в смысле развития она была ужасно пуста и мелочно тщеславна. Разве нет? Или вы с ней по театрам да по выставкам ходили? В Милан вроде пару раз не в «Ла Скала» ездили, а по магазинам. Верно? Наконец, «скромная»... Вы, Кирилл, были очень влюблены и потому слепы.

Майоров по ходу речи адвоката мрачнел. Снова взял вилку, нанизал еще два сочных куска. Медленно начал жевать, глядя на Артема.

Каховский решил добить «любовные принципы» генерала окончательно.

– Знаете, Кирилл, бесцеремонность в двойной игре между вами – любовником – и мужем прям изумительна. Возьмите хотя бы ее венчание с Андреевым после того как она уже получила деньги от вас и сообщила, что замужем. Религиозный, счастливый Андреев обводит вокруг аналоя свою избранницу. Благодарит Бога, что, наконец, узаконил пред Всевышним свою любовь. Новобрачные в присутствии приглашенных целуются... А в ту же самую минуту блаженный генерал Майоров, извините уж, ничего не подозревающий об этом событии, думает: «Конечно, она должна развестись с мужем. Она непременно развяжется с мужем для меня...» Неправда ли, вы оба были жалки, вы оба – просто любовники! Андреев строит с ней узаконенное счастье, вы – по уши влюбленный – пытаетесь отбить ее у Андреева, думая, что ваши чувства взаимны, и только ваша любовь настоящая. А ей кажется, что уход от мужа и замужество с вами – самая обыкновенная сделка относительно нее между двумя мужчинами – и ничего более. Она даже додумалась до нелепости, что вы оба будете одинаково рады, так как этот переход весьма выгоден и приятен, и что теперешний муж даже может подружиться с новым...

– Хватит, Артем Валерьевич, – видно было, что генерал еле сдерживается. – Довольно. Возможно, вы правы, возможно, нет, сейчас не узнать. Я просто прошу, все, что вы сейчас рассказали, просто не говорите присяжным. Бог ей судья, Зинаиде. Оставьте присяжным только то, что он взял кухонный нож, всадил ей в сердце в порыве ревности. Просите снисхождения. Больше ничего не требуется. Ведь именно так и было, разве нет?

– Именно так и было, Кирилл, – Артем задумался. – Но речь перед присяжными довольно скучная получится, не находите? Бытовуха какая-то. Да и нож не кухонный, если вы не в курсе.

– Нож, Артем Валерьевич, кухонный, – генерал вытер губы салфеткой и встал. – Простой кухонный нож. Читайте внимательно материалы дела.

Не прощаясь, Майоров двинулся к выходу, где все это время маячил сопровождающий в «приличном» костюме и с генеральской папкой под мышкой.

Глава 3

Каховский держал в руках командирский кортик «Гитлерюгенд», аналогичный изъятому у Андреева.

– Да, уважаемый, это хоть и называется холодным оружием, но на самом деле, скорее оружие церемониальное. Никто с ним в бой не ходил, никто с его помощью не убивал.

Напротив Артема в потертом кожаном кресле сидел антиквар, специалист в области холодного оружия времен Третьего рейха, шестидесятилетний Сигизмунд Робертович Причалов. Антикварные роговые очки подчеркивали принадлежность Сизи, как его звали близкие друзья, к элитарному сословию потомственных искусствоведов. Отец Сизи, Роберт Карлович Причалов специализировался, правда, на произведениях живописи, во время Второй мировой войны какое-то время провел в нацистском концлагере в Польше, так что выбор специализации сына до своей кончины терпел исключительно по соображениям бизнеса.

«Никто таким не убивал... – подумал Артем. – Конечно же, откуда? Если нож – кухонный. Хм...»

Сразу после встречи с Майоровым Артем направился в офис, проверил фото из материалов уголовного дела: ни о каком кухонном ноже речи там не шло, Андреев принес в полицию клинок «Гитлерюгенда». Показания на допросах давал тоже о нем, да и судебные экспертизы проводились по кортику образца 1937 года.

«Чушь», – снова подумал Артем, но какая-то заноза все же не давала покоя. Если бы слова о кухонном ноже прозвучали не от сотрудника всезнающего ведомства, Артем и значения бы не придал. Но в тоне генерала чувствовалась такая уверенность, что Каховский, как говорится, напрягся. Поэтому и сидел сейчас в запыленной антикварной лавке в цокольном этаже дома по Скатертному переулку.

– Я так понимаю, Сигизмунд Робертович... – начал было Артем.

– Ох, Арти, прошу, зовите меня Сизи, – перебил Причалов. – Мы – интеллигентные люди, зачем тратить время на выговаривание сложных имен, лучше потратим его для пользы дела.

– Странно просто, Сизи... – Артему не нравились эти сокращения, но решил не спорить, раз уж сам пришел за бесплатной консультацией. – Я поискал в Интернете, о ноже «Гитлерюгенда» информации много, а вот про командирский кортик этот почти ничего...

– Это правда... – довольно улыбнулся Причалов. – Потому он крайне редко встречается, да и стоит на порядок дороже ножа.

Антиквар протянул руку, принял оружие. Взялся за обтянутую плотной серебристой нитью рукоять и вынул узкий граненый обоюдоострый клинок из иссиние-черной кожи ножен. Поднял острием вверх, травленная надпись на клинке заиграла бликами отраженного света настольной лампы. Крестовина с орнаментом веревочного каната изогнулась, так что кортик напоминал одновременно бандитский стилет и римский меч.

– Красивая вещь, не правда ли? – глянул Сизи на Артема сквозь отражение в холодной стали клинка.

Каховский согласно кивнул.

– Кортик командиров «Гитлерюгенд» был учрежден в 1937 году для взрослых руководителей, имеющих звание от штатмфюрера и выше, работающих профессионально с молодежью Третьего рейха. Каждый день такой никто не носил, выдавали только во время особых церемоний в специальном футляре из красной кожи. – Антиквар откровенно любовался то ли кортиком в руках, то ли своей речью, наполненной знанием предмета.

– Организация ведь – «Гитлерюгенд» – была создана гораздо раньше? – осведомился Артем. – Гитлер пришел к власти в 1933-м, а молодежный союз этот, кажется, в двадцатых?

– Если быть точным, то 3–4 июля 1926 года в Веймаре, как национал-социалистическое молодёжное движение. В последние годы Веймарской республики «Гитлерюгенд» очень постарался внести свой вклад в эскалацию насилия на улицах немецких городов. Организованные группы юношей нападали на кинотеатры, где шли показы антивоенного фильма «На Западном фронте без перемен». Насилие против владельцев кинотеатров и зрителей привело к тому, что фильм даже сняли с проката. Надо сказать, молодежь была, как говорят сейчас, креативная. Их же закрывали неоднократно, школьникам не разрешалось вступать в уже запрещенную организацию, но это только раззадоривало. А нацисты, то есть их старшенькие, использовали репутацию гонимых властями народных борцов для привлечения новых членов в свои ряды. Как только власти запрещали какую-нибудь ячейку «Гитлерюгенда», как та тут же появлялась под другим именем, типа «Друзья природы» или «Юные народные филателисты». В Киле, например, по улицам маршировала группа учеников из мясных лавок в заляпанных кровью фартуках, когда власти запретили ношение формы «Гитлерюгенда». Как свидетельствовали очевидцы тех событий, враги трепетали при появлении этой группы, знали – у каждого под фартуком здоровенный нож.

– Нож..., да... Все-таки о ноже. Что вы можете рассказать об этом клинке? – Артем взглядом показал на предмет, находящийся в руках Сизи.

– В то время руководителем организации был Бальдур фон Ширах. Рейхсюгендфюрер. Интересная личность, странно, как он так долго удержался на столь высоком посту.

– Почему? – спросил Артем. – Приставка «фон» ведь означает принадлежность к знатному немецкому роду?

– Потому что папа и мама у него – американцы! – Сизи улыбнулся. – Сам он родился в Берлине, род и правда знатный – серболужицкий. Отец, имея американские корни, был офицером гвардейского полка Вильгельма Второго, позднее вышел в отставку и стал директором театра, сначала в Веймаре, затем в Вене. А вот мать Ширах, Эмма, – чистая американка из Филадельфии. Сам Бальдур начал изучать немецкий язык лишь в пятилетнем возрасте, поскольку дома родители разговаривали исключительно по-английски. В детстве писал стихи и играл на скрипке, мечтал о карьере музыканта. В возрасте 10 лет родители отправили его в закрытый интернат, в котором принципы воспитания детей основывались на идеях воспитания духовной элиты. Правда, не доучился. Закончил обучение дома, после того как брат покончил жизнь самоубийством. В 1918 году фон Ширах вступил в Германский молодёжный союз, потом закончил веймарскую гимназию и поехал в Мюнхен изучать искусства и германистику. Вступил в народный союз «оруженосцев», которым руководили бывшие офицеры из нелегальной организации «Черный рейхсвер». Бальдур находился среди «оруженосцев», когда те в марте 1925 года охраняли зал, где выступал недавно освободившийся из тюрьмы Гитлер. После собрания Ширах был лично представлен вождю. Ну, дальше с карьерой понятно. Взлет, потом в сороковом понижении до гауляйтера Вены, ну и посадка в 1945-м на 20 лет после Нюрнберга.

– А что такого произошло в 1937-м? – спросил Артем. – Когда кортик учредили этот... Ритуальный...

– Ритуальный? – оживился Сизи и внимательно всмотрелся в клинок. – Хотя... Пожалуй, да... Ну, просто в Рейхе у всех служб были клинки. Меня почему эта тема и увлекла в свое время. Более семидесяти видов холодного оружия, у каждой службы свой парадный кортик. Пойдемте, покажу.

Антиквар поднялся и жестом призвал следовать за ним. Артем послушно встал.

Вышли из кабинета, прошли по коридору офиса-лавки и вошли в круглое помещение, оборудованное под выставочный зал элитных образцов для продажи. Сизи подошел к двум стойкам немецкого холодного оружия, стоящим особняком за ширмой.

– Вот! – с гордостью произнес. – Моя личная коллекция. Кстати, больше чем в музее Золингена.

– Угу, конечно! – Артем не удержался от фамильярного тона, раз уж он – «Арти» и говорит с «Сизи».

– Нет, ну в запасниках Золингена нацистского металла, конечно, поболее будет, но в музее для туристов – смотреть нечего, это точно. Ну, вы же в курсе, конечно, – напускную фамильярность Артема Причалов воспринял за осведомленность.

Сизи взял с самого верха стеллажа черный кортик с подвесом из металлических пластин с изображением черепов с костями и двойной руны «Зиг».

– Это кортик старшего офицера «SS», – антиквар понизил голос. – Хотя это и так понятно.

С характерным «цыкающим» звуком вынул промасленный клинок из ножен.

– Вот тут надпись, видите, «Meine Ehre heißt Treue» – «Моя честь – верность!» Это девиз охранных отрядов «СС». Кстати, Гитлерюгенд планировался как основной поставщик воинов для СС, Гитлер в одной из речей сказал: в Гитлерюгенде мы воспитываем мальчишек и девочек четыре года, а затем мы отдаем их не в руки старых родителей и школьных воспитателей, но сразу же принимаем в партию или Трудовой фронт, в СА или СС! А если они там пробудут полтора или два года и не станут совершенными национал-социалистами, тогда их призовут в «Трудовую повинность» и будут шлифовать в течение шести-семи месяцев с помощью кое-какого символа – немецкой лопаты. А тем, что останется через шесть или семь месяцев от классового сознания или сословного высокомерия, в последующие два года займётся вермахт. А когда они вернуться через два, или три, или четыре года, мы их тотчас же возьмём в СА, СС. И они больше никогда не будут свободными – всю свою жизнь.

Понимаете, Арти? Смысл нацистской идеологии как раз в этом: не быть свободным, а быть винтиком в государственной машине. Трудиться или умирать во благо страны.

– Это неплохой принцип, если при этом не уничтожать других, – вставил Артем.

– Само собой, без идеи уничтожения или порабощения других народов нацизм ничем не отличается от патриотизма, – согласился Причалов. – Так вот, кстати, о лопате, о которой говорил Гитлер.

Он снял с подставки тяжелый кортик с символом лопаты на ножнах.

– Это парадный тесак рядового члена «Рабочего фронта». Смотрите!

Со звуком нескольких стальных лопат, одновременно воткнутых в мерзлую землю, вылетел из ножен клинок в форме мачете.

– А? Видите? Кто вот у них такое выдумывал? – Сизи держал мачете так, будто собрался рубить толстые ветви лиан в непроходимых джунглях Амазонки.

– Это похоже на... мачете? – неуверенно сказал Артем.

– Похоже, и даже поставлялось в Южную Америку тысячами. «Arbeit adelt» – «Труд облагораживает», вот какой девиз вытравлен на лезвии, видите? Но я на другое хотел обратить внимание. Смотрите!

Причалов взял мачете-клинок в правую руку, а ножны в левую и расположил параллельно перед лицом Артема. Нетрудно было увидеть, что ножны – прямые с округлым навершием, а клинок изогнутый, с основанием тоньше острия, и поэтому оба предмета диссонировали друг с другом. Но в то же время они как-то одновременно друг друга и дополняли.

– Видите? – настойчиво и по-мальчишески озорно спросил Сизи. – Ну, Арти?! Правда не видите? На что это похоже?

Артем присмотрелся. Почесал в затылке, пожал плечами.

– Да ладно вам! – Сизи надул губы. – Не стройте из себя ханжу. Это же пенис! Член! Ножны – это вид сверху, видите головку? А клинок – тот же член, только вид сбоку!

– Черт, точно! – Артем удивился. – Надо же... И кому пришло в голову такое... И зачем?

– Искусство, геноссе! Над дизайном гитлеровских клинков работали лучшие искусствоведы. Первый клинок – штурмовых отрядов СА, такой же, как ээсовский, только коричневый, Гитлер лично утверждал. Копия мистического швейцарского кинжала Гольбейна с гравюр «Пляски смерти».

Артем оглядел остальные предметы, выставленные на стеллаже. Поймал себя на мысли, что ищет взглядом кортик «Гитлерюгенд», но вспомнил, что тот остался на столе в кабинете Сизи.

– Сигиз... Сизи... Так что по поводу «Гитлерюгенда»? Почему в 1937-м появился этот клинок офицера? Ножи-то были, и я читал, это были уменьшенные копии винтовочных штыков с символикой и всем прочим, как положено. Просто потому что надо было выделить офицеров-воспитателей молодежной организации?

– Скорее всего. В 1936 году фон Ширах сблизился с Гиммлером, главой СС, и заключил с ним соглашение, по которому члены «Гитлерюгенда», отвечавшие требованиям, рассматривались как главный источник пополнения СС. А в декабре 1936-го фон Ширах ввели в состав имперского кабинета в качестве руководителя молодежи. Тогда же на основании гитлеровского декрета «Гитлерюгенд» был признан единственной молодежной организацией Германии. Я знаю, что лично Бальдур фон Ширах согласовывал форму кинжала со специалистами из «Аненербе» по протекции Гиммлера; тот был повернут на теме мистики, как известно. Но документов об этом не видел. Слышал только от родственников фон Ширах.

Артем удивленно вскинул брови.

– От кого?

– Чего вы удивляетесь? Фон Ширах отсидел в Шпандау 20 лет, освобожден в 1966-м, книжку написал. У него осталась куча родственников, близких и дальних. Вот, с одним из них я и знаком. Когда бываю в Берлине, встречаемся иногда. Пиво пьем.

Причалов вдруг скорчил обиженную мину.

– Арти, вот вы меня уже час пытаете! Конечно, я не без удовольствия мучаюсь, но все-таки, может, просветите, вам зачем такие подробности? Вы этот предмет купить хотите или, наоборот, хотите продать чей-то? Покажите тогда?

Артем подумал секунду, потом достал из кармана мобильный смартфон и показал фотографию кинжала из материалов дела. Конечно, он потрудился над фото, размыв фон и убрав с помощью фоторедактора все атрибуты уголовного дела, так что снимок выглядел вполне обыкновенно для антиквара.

– Позвольте? – Сигизмунд Робертович взял смартфон Артема в руки и раздвинул пальцами поверхность экрана для увеличения изображения. Внимательно осмотрел лезвие, затем рукоять. Сосредоточил взгляд на крестовине.

– Ох ты, батюшки мои, неужели? – воскликнул взволнованно.

– Что такое? – волнение антиквара передалось Артему мгновенно.

– Вот, смотрите! Две буквы «BS» как бы вкраплены в орнамент каната на крестовине?

Артем взгляделся в увеличенное изображение. Качество снимка было хорошим, так что при увеличении буквы были видны отчетливо.

Каховский оторвал взгляд от экрана и посмотрел на Сизи. Тот кивал головой и улыбался.

– Арти, колитесь! Где этот предмет? Я знаю, кому его можно продать. Это же личный кортик Бальдура фон Ширах! У него их, конечно, было несколько, такие вещи было принято дарить. В коллекционном исполнении, с золотом, серебром, с клинком из дамасской стали и прочая. Но этот может оказаться той самой первой моделью из «Аненербе».

Глава 4

– По-твоему, сын мой, жечь книги прямо под дверьми храма – это нормально? Это соответствует вашей идеологии?

– Библию же никто не сжег, падре? Это во-первых. А во-вторых, инквизицию для книг не мы придумали. Церковь это сделала раньше. Разве нет?

Шестнадцатилетний берлинский школьник Отто Шульц ходил в храм Святой Ядвиги, главный католический храм Великого рейха, скорее по привычке и из уважения к родителям. Никто из друзей-одноклассников и особенно товарищей по членству в «Гитлерюгенд» не одобрил бы бесед-исповедей с пастором. Конечно, дело было не только в привычке и уважении, просто по дороге из школы он забегал в кондитерскую на Жандарменмаркт, где с удовольствием предавался слабости съесть эклер на деньги, регулярно выдаваемые матерью, и встретиться взглядом с дочерью хозяина лавки – Оттилией Шмук.

Пастор, мужчина средних лет, в традиционном католическом повседневном облачении беседовал с Отто не в кабинке для исповеди, а в своем маленьком кабинете. Их беседы не были похожи на исповедь, мальчик, очевидно, проходил испытание веры и с юношеским абсолютизмом метался от принятия Христа как Бога до полного отрицания, нередко граничащего с богохульством.

– Падре, разве Иисус запретил жечь книги? Как раз наоборот. Разве не он сказал, «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь»?

Священник по-отечески улыбнулся, глядя на юношу добрыми серыми глазами сквозь линзы роговых очков.

– В этом стихе из Нагорной проповеди, как и в предыдущих, Иисус Христос выражается аллегорически. Под деревом, не приносящим плода доброго, подразумеваются плохие люди, грешники, а также лжепророки.

Отто, торжествуя, посмотрел на святого отца.

– То есть Иисус поддержал бы нас? Раз говорит о людях, которых нужно, не стесняясь, сжечь, раз они сеют ложь, то уж книги, написанные такими людьми, и подавно?

– Эти слова не нужно принимать буквально, сын мой. Это ведь аллегория. В этих словах сформулировано много понятий, связанных с участью грешника. А также с тем, кто их должен срубить и бросать в огонь.

– Наш вождь Адольф Гитлер – это тот, кто должен направлять нашу руку! Он должен определить как вождь всего народа, кто вреден для немцев! А мы, выполняя его волю, должны срубить и бросать в огонь! – с жаром воскликнул Отто.

– Добропорядочные христиане живут в окружающем мире, полном зла, и вынуждены общаться с грешниками. Добропорядочные христиане должны исполнить заповедь Божью о любви к ближнему, пусть он даже и грешник. Нужно наставить грешника на путь истинный, а не сжигать его.

– И что, можно всех образумить? Все понимают слова? Даже психи и коммунисты? – усмешка скривила губы юноши.

– Не все. К закоренелым грешникам такая забота неприемлема. Но речь не идет о казни. Пойми, мальчик мой, Спаситель говорил не об огне как таковом. Праведные люди должны просто прекратить с грешниками, не понимающими заповедей, всякие отношения. «Бросить в огонь» означает, что как огонь уничтожает дерево с дурными плодами, так и порядочный человек должен сжечь в себе, то есть полностью прекратить все отношения с закоренелым грешником. Так, как будто бы он сгорел в огне, как дерево с дурными плодами.

– Это где такое написано, падре? – юноша на секунду превратился в того любопытного мальчика, которого несколько лет назад привели в храм родители.

– Это не написано. Как не написано про людей и книги, которых можно сжигать. Написано про дерево, которое должно бросать в огонь.

– Наш вождь, Адольф Гитлер, – начал было Отто, но святой отец мягко остановил его, сделав красноречивый жест рукой.

– Наш вождь, – пастор намеренно выделил слово «наш», – Адольф Гитлер прежде всего крещеный католик, а его мать истинная католичка.

Отто насупился. Его глаза бегали из стороны в сторону, он уважал авторитет пастора и слова о настоящем крещеном католике Гитлере несколько охладили его пыл в этом споре.

– Фюрер, – неуверенно сказал Отто, – и я лично это читал в газете, сказал, что нацизм является светской идеологией, основанной на науке, для которой немислимо сосуществование с религией.

– Фюрер сказал «в долгосрочной перспективе», – опять улыбнулся пастор. – В долгосрочной перспективе немислимо существование с религией. Так он сказал. Вероятно, имел в виду, что все станет единым – религия и идеология. Фюрер также сказал...

Пастор встал из-за стола, скрипнув старинным стулом, на котором сидел, и прошелся по кабинету, сделав всего лишь три шага к окну и обратно, как бы раздумывая, продолжать ли цитировать Гитлера или вернуться к Священному Писанию.

Отто ждал продолжения с явным нетерпением.

– Фюрер сказал также... И я лично это слышал в 1928 году, а не просто читал: «Мы не потеряем никого в наших рядах, кто нападает на идеи христианства, в действительности наше движение – христианское!»

Священник испытующе посмотрел на юношу. Тот выглядел совсем растерянным.

Почесал бритый затылок, поправил светлый чуб, затем черно-коричневый галстук «Гитлерюгенда». Встал с табурета, подтянул короткие форменные штаны.

– Падре, я должен идти. У нас сегодня много дел. Готовим город к Олимпиаде.

– Олимпиада – это хорошо... – сказал святой отец, благословляя жестом. – Это лучше, чем рыть окопы.

«Надо будет – и окопы выроем, и могилы для врагов, и там их закопаем», – прорычал сквозь зубы Отто, спускаясь по ступеням церкви на площадь перед университетом.

«Срубают и бросают в огонь», – подумал он, бросив взгляд на брусчатку площади, где два года назад полыхал костер из книг университетской библиотеки, и уверенно зашагал в сторону Унтер ден Линден.

По бедру приятно постукивал черный нож «Гитлерюгенд», закрепленный подвесом на кожаном ремне.

Глава 5

Второй час Артем ковылял по московским пробкам в сторону Технического переулка, где на перекрестке с улицей Радио возвышалось здание Следственного комитета России. Водитель Артема Евгений, здоровенный детина свыше 120 килограммов, ругал мэра и его потуги сделать Москву китайской Европой.

– Кому нужны тут эти велосипедные дорожки? Вот с какого, спрашивается, хрена он решил, что москвичи пересядут на велики или вылезут из метро? Зачем эти раскопки? Сузил улицы и без того, узкие, как... как это... – Евгений не договорил, глядя на шефа в зеркало.

– Угу, – поддержал с заднего сиденья праведный гнев Жени Артем.

– Нет, правда... Видели, кто ездит по этим дорожкам? Только гастарбайтеры. Для них, что ли, старается? Плитку опять перекладывает тротуарную... Это сколько ж деньжищ зарывают в землю! Спрашивается, чем был плох асфальт? Поменяли на бетонную плитку. Миллиарды ушли ведь. Теперь бетонную плитку меняют на гранитную. Еще десятки миллиардов. Потом на какую поменяют? На золотую?

Евгений, чувствуя одобрение шефа, пытался болтовней сгладить вину за неверно выбранную дорогу. Артем ведь говорил неоднократно, ехать в СК нужно по Садовому кольцу. Евгений же повернул из переулков на Бульварное и, естественно, попал на реконструируемые и наглухо забитые машинами улицы.

– Угу... – мрачно повторил Артем. – Чего ты возмущаешься? Сам говорил – все разворачивается, весь бюджет Москвы.

– Разворачивается, мягко сказано, – согласился Евгений.

– А раз разворачивается, значит, и эти миллиарды бы украли, которые в плитке сейчас, – улыбнулся Артем.

– Ну, так вот и воруют же! На стройке всегда воровать легко. Скрытые работы и все такое!

– Правильно, но плитку-то кладут. Вот она! Гранитная. Не шоколадная. Деньги все равно бы украли. Шоколад растаял бы или слизали туристы. А эта плитка останется на века, – Артем хитро улыбнулся зеркалу заднего вида.

– Лучше бы поликлиники построили, где людей лечат, – ворчливо дал совет правительству Москвы Евгений. – А то ходим по красивому граниту в эти бесполезные поликлиники, вот радость-то?

– Радость в том, что мы пока еще по эту сторону гранита, Жень...

Подъехали к зданию СК, ошетинившемуся пиками забора. Евгений резко притормозил у ворот, чем вызвал гневно-настороженный взгляд стража-полицейского с пистолетом-пулеметом «Кедр» на груди.

Увидев выкарабкивающегося из проема задней двери машины адвоката, тот немного успокоился. Поправил ремень оружия и сделал небрежный шагок в сторону, вроде как дежурно прогуливался.

Артем вошел в бюро пропусков, где обычно многолюдно, долго и потно. В этот раз тут томились в ожидании лишь двое посетителей: мужчина и женщина (явно адвокат), вероятно, явились на допрос. Мужчина в костюме и галстук вздыхал, смотря на спутницу с блеском надежды коровьих глаз. Адвокатесса занималась своими делами в смартфоне, прикусив нижнюю губу, внимания на «пациента» не обращала.

Артем просунул адвокатское удостоверение в щель тонированного бронестекла дежурной. Внутри зашипел принтер, печатали временный пропуск. Заявка на адвоката Каховского в бюро пропусков имела, Тина позаботилась. Щель вернула красную книжицу адвоката вместе с пропуском. Артем набрал номер следователя Весло.

– Здравия желаю, Алексей Сергеич, Артем Каховский, адвокат Андреева.

– Пропуск получили? Сейчас за вами выйдут.

Худой молодой сотрудник провел Артема по знакомым коридорам главного сыскного ведомства страны. Прошли мимо знаменитого выхода на пожарную лестницу, где год назад прыгнул головой вниз арестованный полицейский генерал из Главка по борьбе с коррупцией. В прессе писали, что генерала могли и специально выбросить, уж слишком много знал. Но Артем как раз понимал, что это – журналистские и обывательские версии. В самом деле, расстояние от мужского туалета до выхода на пожарную лестницу – пять шагов. Двери там всегда открыты, ибо отягощенные борьбой с преступностью следователи снимали стресс курением табака, с чем как раз вдруг стала бороться верховная власть. Поэтому курить по-сталински в кабинетах было резко запрещено.

Вероятнее всего, генерал и не собирался кончать с собой. Просто пытался сбежать, да не рассчитал. Площадка пожарной лестницы слишком мала, а перила низкие. Вот и вылетел, не удержавшись. В одном можно было быть уверенным: если бы его захотели заставить «уйти из жизни», это сделали бы в СИЗО. Там такое рядовое происшествие можно было списать на что угодно, от «подрался с сокамерником» до «не выдержало сердце от стресса».

– Здравия желаю еще раз! – Артем поприветствовал майора Весло.

– И вам не хворать, – Весло приподнялся с кресла, протянул руку.

Весло был заместителем начальника отдела, молодой толковый майор с периферии, странным образом оказавшийся в фаворитах у руководства. Сейчас он был, как обычно, улыбочив, розовощек и одет по-парадному, в белую рубашку. Сколько Артем ни встречался с этим оппонентом, тот всегда был одет, будто на календаре – День российского следователя. На вопрос, с чего такой нарядный, Весло неизменно отвечал, что просто любит белые рубашки и золотые погоны.

– Чего пожаловали? – поинтересовался Весло.

– Да вот, хочу заново отснять 19-й том, там, где экспертиза ножики. Начал читать, а фотографии вышли мутные, ничего не разобрать.

– Что? Весь том?

– Нет, частично, конечно. Дадите?

– Чего же хорошим людям-то не помочь... – Весло хитро улыбнулся. Достал из пачки «Мальборо» сигарету, закурил.

– Это чего? – картинно вытаращил глаза Артем. – Курить в кабинете в нарушение закона? Кто разрешил?

– А! – Весло махнул рукой незримо начальству. – После того как «этот» сиганул, выход на лестницу закрыли. Где курить-то?

– Так не курите! – Артем подмигнул.

– Так, а с преступностью как бороться? С жульем этим вашим? – Весло подмигнул в ответ.

– Генерал – не наше жулье, а ваше! – ехидно заметил Артем.

– Не наше, а ментовское! Прошу не путать! – майор следственного комитета гордо поднял подбородок. Углядел краем глаза частичку пепла на белоснежном рукаве рубашки, смахнул картинно.

– Правоохранительное все равно, – Артем опять подмигнул. – Я вот сколько работаю адвокатом, все удивляюсь. Сегодня ты – генерал, завтра – мой клиент. Сами-то как, Алексей Сергеич? Не боитесь? Небось, тоже не ангел?

– Нету ангелов среди нас. И я не ангел. Понимаю, что 286-я статья плачет по всем. Но, что делать? Приходится с этим жить.

– Конечно... Чего вам от 286-й? Подумаешь, ерунда какая, иногда грань между превышением должностных полномочий и подвигом весьма тонка. Эх... Нету на вас 58-й, сталин-

ской... – Артем решил, что подмигивать в третий раз не стоит и просто возвел глаза к потолку, к незримому отцу народов Иосифу Сталину.

Следователь решил, что пора заканчивать упражняться в колкостях с адвокатом. Стянул с лица улыбку, принял деловой вид, спросил:

– Артем Валерич, вы сняли копии всех материалов дела. Когда закончим знакомиться? Мне это дело вообще сто лет не приснилось, чего оно именно мне досталось, непонятно. Других дел будто нет. Подпишите «ознакомление», получите свой 19-й том.

– Сделка тут неуместна, товарищ майор, – Артем прищурился. – Если я правильно помню УПК², я могу при ознакомлении в любое время обращаться к любому тому дела. Мне нужно сейчас вернуться к 19-му тому. А когда я буду готов подписать протокол об ознакомлении, я с радостью это сделаю.

Видя, что Весло нахмурился, Артем немного растопил льдинку в голосе:

– Да ладно вам, Алексей... чего вы в самом деле? Может статься, я быстро закончу и подпишу вам все что хотите. Не давите на меня. Разве не достаточно, что мой «пациент» сам пришел с повинной?

– На фиг он мне сдался, ваш «пациент»? – повторил Весло свое отношение к делу Андреева, добавив пару крепких словечек.

Снял трубку телефона, набрал номер.

«Киря, принеси мне 19-й Андреева. Да... Вернулся? Неси давай».

Весло потушил остаток сигареты в пепельнице, вздохнул и посмотрел на дверь. Артем молчал. После минутной паузы, во время которой оба молча наблюдали за дымным издыханием окурка, в дверь постучали.

– Да! – Весло на всякий случай помахал рукой, разгоняя зависшее марево сизого дыма.

Сотрудник «весловского» отдела принес просимый кирпичик 19-го тома. Положил на стол перед начальником, заодно подсунув что-то подписать. Весло пошептал подчиненному в ухо, тот кивнул и удалился.

– Вот, держите, наслаждайтесь! – следователь протянул двухсотстраничную папку адвокату.

Артем привстал, вынул из кармана смартфон, включил фотокамеру. Начал листать. 111-я страница, 112-я, вот оно – заключение эксперта. Фототаблица. Перелистнул страницу, ожидая увидеть на фото знакомые очертания кортика «Гитлерюгенд».

Весло делал вид, что занимается своими делами, внимательно изучая экран компьютера. Переведя взгляд на Артема, спросил:

– Что-то не так, Артем Валерич?

Лицо Артема имело такое выражение, что вопрос прозвучал к месту.

Каховский тарашил глаза на следователя, смартфон застыл в руке, так и не произведя снимок.

– Что-то не так? Вам плохо, что ли, товарищ защитник? – проявил Весло беспокойство.

– Я не понял, – выдавил из себя Артем.

– Чего вы не поняли? – участливо спросил следователь.

– Я не понял, это что? – Артем повернул к следователю фототаблицу из материалов дела. – Где кортик?

На фотографиях был запечатлен кухонный нож.

Следователь, не моргнув глазом, ответил:

– Ну, а это что по-вашему?

– Это – кухонный нож, – с дрожью в голосе сказал Артем.

– Ну и? – следователь подпер ладонью щеку.

² Уголовно-процессуальный кодекс.

– Что значит «ну и?»», – Артем поперхнулся. – Где кортик «Гитлерюгенда»?

– Какого «Гитлерюгенда»? – взгляд Весло похолодел. – Артем Валерич, вы меня не путайте. Делайте ваши фото и не отнимайте у меня время.

Артем не мог собрать разбежавшиеся мысли. Пролистнул папку, вчитался в заключение эксперта: «На исследование поступил... лезвие... длина... ширина лезвия... рукоять деревянная...» Что за ерунда?

– Алексей Сергеич, мой подзащитный на допросе говорил о кортике «Гитлерюгенда». Вы хотите сказать, что и в его показаниях – кухонный нож? – Артем уже закипал от злости.

– В его показаниях то, что он говорил. Но мы не обязаны руководствоваться показаниями, а обязаны их проверять. Вот ножик, который Андреев принес в ментовку. Мы сделали экспертизу. Это – орудие преступления. Чего вам надо-то?

– Алексей Сергеич, но у меня есть фотографии этого тома и там... – Артем не успел договорить, Весло перебил.

– Если сделали что хотели, я вам пропуск подпишу на выход. Давайте.

Артем на автомате протянул следователю бумагу. Весло черкнул время выхода, поставил подпись.

– Я вас сам провожу, – сказал он, взял пачку сигарет со стола и встал.

Артем тоже поднялся.

– Пойдемте, – сказал Весло и пригласил к выходу. Артем повиновался.

Вышли из кабинета, Весло запер дверь на ключ.

– Пойдемте по лестнице, лифта ждать долго, – сказал он и двинулся по коридору к зеленой надписи «Выход».

Шли по внутренней лестнице без окон. Никогда сам Весло не провожал адвокатов, посылал подчиненных. Артем понял, тот хочет что-то сказать, и решил проявить инициативу.

– Алексей Сергеич, я буду вынужден писать ходатайство. Буду просить разобраться с кортиком. Дополнительно допросить моего подзащитного, допросить эксперта, приложу к ходатайству имеющиеся у меня фотографии кортика из вашей же экспертизы. Буду просить ознакомиться с вещдоком. Немедленно! Вы понимаете?

Весло, не останавливаясь, лишь искоса взглянув на Артема, сказал:

– Подавайте ходатайство, конечно, ваше право.

Выйдя в холл первого этажа, прошли мимо дежурного офицера и вышли на крыльцо главного здания, от которого до КПП и бюро пропусков было не более 30 метров. Преодолевая это расстояние, Весло вдруг, не глядя на Артема, сказал:

– Но я вам не советую. Я вам все равно откажу. И можете жаловаться куда хотите. Но... Я вам не рекомендую... Дружески рекомендую не писать и не жаловаться. Вы даже не представляете, насколько не рекомендую...

Глава 6

Артем проснулся от дикой головной боли. Вчера, после посещения следственного комитета, он сознательно напился. Адвокат Каховский никогда не напивался после выигрыша дела, даже крупного или важного. Тем более он и его коллеги никогда не топили в вине горе поражения. Злоупотребил Артем для того, чтобы отключить сознание на время. Оба полушария мозга. Он называл это перезагрузка.

«За работу логики отвечает левое полушарие мозга. Язык, чтение, письмо, анализ, интеллект – все это левое полушарие мозга. Развивайте его, бестолочи! Вы же юристы!» – говаривал университетский преподаватель логики.

– А правое полушарие зачем? – как-то спросил Артем.

– Как второе яичко мужчине. Про запас. Поработаешь чуть-чуть юристом, поймешь! – ответил наставник.

И действительно, через примерно десять лет работы адвокатом Каховский без всяких ученых книг понял, для чего второе – правое полушарие мозга. Именно оно, похоже, отвечало за образное восприятие, мышление аналогиями и интуицию.

Но в этот раз оба полушария Артему отказали. Будто въезд на мозговую Тверскую улицу, ведущую на Красную площадь понимания, был наглухо перекрыт со всех переулков «КамАЗами» и толковыми майорами, как перед парадом 9 Мая.

Артем в таких случаях старался перезагрузить систему, попросту напиваясь. Что в общем-то тоже было нелогичным из-за последствий следующего утра, но все-таки работало.

Повращался в постели, пытаюсь найти удобную безболезненную позу. Небольшое облегчение доставил упор носом в подушку. Застыл на минуту. Запахло ночным потом и стыдом. Боль начала возвращаться.

Пошарил левой рукой по полу у кровати в поисках пластиковой бутылки с водой. Вчера сил и остатков сознания хватило, чтобы обеспечить себе утренний водопой.

С трудом открутил крышку, прильнул губами к горлышку, выпил до капли. Отшвырнул бутылку, снова приладил «квадрат» головы в квадрат подушки. Приоткрыл глаз, настроил резкость туда, где лежали снятые вчера по привычке часы.

«Ну, что за...?» – циферблат смотрел в другую сторону.

Совершив усилие, Артем потянулся рукой к часам с целью развернуть и посмотреть время. По дороге пальцы наткнулись на смартфон.

Выбор между мужским аксессуаром и смартфоном был очевиден, последний тоже показывал время.

Поднес аппарат к глазам, провел по экрану пальцем, включая. Как это ни странно, от привычного движения головная боль немного утихла.

Без пяти одиннадцать. 4 пропущенных звонка, 18 непрочитанных смс, примерно четверть из которых было электронно выраженное родительское волнение мамы.

«Ты где?», «Почему вчера не позвонил?», «Ты где??», «Все в порядке??» «Позвони мне, я волнуюсь!»

«Все ок!» – только и хватило сил написать в ответ.

Одна смс из офиса: Тина, немного разбираясь в привычках шефа и зная о вечере в «Жигулях», уточняла время прибытия и «будет ли сегодня вообще». Остальные сообщения были от Оксаны.

«Ты как?»

«Ау?»

«Ку-ку?»

«Ты где?»

«Я что-то не поняла, ты где?»

«Мы идем?»

«Артем, что происходит?»

«Артем, я вижу что ты читаешь мои сообщения, ты в порядке?»

«Ладно, пока...»

«Вообще, так не делают люди, мужчины тем более...»

«И кто ты после этого?»

Артем взглянул на время отправления сообщений. Господи, как он мог забыть? Оксана...

Пальцы сами набрали: «Извини» и грустный смайлик. Голова отказывалась соображать, что еще можно написать. Про перезагрузку? О правом и левом полушарии? О следователе Весло и нацистском «кухонном» кортике?

Боль напомнила о себе снова. Артем застонал и нажал на «Отправить сообщение».

Не прошло и двух минут, как экран смартфона высветил новое сообщение Оксаны. Потом еще одно. И еще...

«Ты был так занят вчера и не мог взять трубку? Ответить хотя бы на смс мог? Мы ведь вчера договаривались о встрече. Забыл?»

«Зачем так, Артем? Вероятно, я не в списках дорогих тебе людей. Попробуй не ответить на звонок мамы... Слабо? На мой можно?»

Артем сделал усилие и написал еще раз «Извини» и поставил два грустных смайлика. Хотел написать, что все постарается объяснить при встрече, но автоматически нажал на «отправить».

«Черт...» – собрался было написать еще, но в ответ уже прилетело. «Что написал «извини» дважды – это уже хорошо... Прогресс, я бы сказала. Хотя... Ты сказал – мыслишь образами? Вот образ насчет извинений. У тебя дома человек сел и нагадил в центре зала в момент детского праздника. Если просто вытрет руки салфеткой и удалится, это – НЕ «извини», это навсегда испорченный праздник, это воспоминания всех об этом. Если даже этот человек, уходя, крикнет с лестницы «извини», он не извинен. Это НЕ извинения. Извинения – это уборка в твоей квартире, покупка нового ковра, и бутылка коньяка, как минимум, плюс мороженое всем детям-гостям до совершеннолетия. Чтобы забыли эту неприятность...»

«Господи, ну что ж такое-то...» – Артем отбросил телефон на кровать. Закрыв глаза.

Проснулся через два часа. Голова была туманна, но не болела. Снова взял телефон в руки. Еще три сообщения от Оксаны примерно того же содержания, смысл которых ясен: Артем – скотина, но он ей нужен и потому готова простить. Надо извиниться, но не в смс.

Оксана была 30-летней художницей с прекрасной фигурой и образованием. В 15-летнем возрасте эмигрировавшие родители увезли ее в Великобританию, где она, закончив частную школу, поступила в Сант Мартинс колледж Лондонского университета искусств. Потом работала в Америке, писала портреты на набережной в Санта Монике, больше для развлечения и прак тики, чем для денег. Потом написала пару удачных портретов для vip-персон и тут же пошли заказы. Жила в Ницце год, расписывала стены в каком-то отделении банка, параллельно создавая портреты всей семьи вице-президента этого кредитного учреждения.

Надоевшую Ниццу сменила на Москву, где пришлось ко двору придворного художника, выделившего ей мастерскую на «Соколе» и поручившего писать портреты именитых россиян. Сам «придворный художник» с заказами давно перестал справляться, поэтому их выполняли в основном талантливые ученики, где рука мастера отмечалась лишь в виде пары мазков и подписи.

Артем познакомился с Оксаной год назад в бизнес-классе рейса Аэрофлота «Ницца – Москва».

– На кочку наехали, – сказал Артем, когда самолет резко потряхнул турбулентный поток.

Милая девушка в кресле рядом испуганно, но улыбнулась. За короткий полет Артем успел наговорить девушке кучу приятных слов, угостить бесплатным шампанским и пригласить поужинать где-нибудь и как-нибудь. По прилете в «Шереметьево» подвыпившая парочка пассажиров по-европейски расцеловалась в обе щеки на прощанье, чтобы, пройдя паспортный контроль, снова встретиться при получении багажа.

– Девушка, а я вас знаю! – сказал Артем. – Вы – знаменитая художница из Англии.

– А вы – известный российский адвокат, – подыграла Оксана и развела руки для объятий.

Снова расцеловались, но уже чуть более тепло, чем это принято при первом знакомстве.

Получив багаж, Артем, как и следовало в такой ситуации, проявил настойчивость:

– Оксана, раз уж мы с вами давно знакомы и неоднократно встречаемся, как на Родине, так и в небесах, я был бы не прав, если бы не предложил подвезти. Скажите, куда?

Неожиданно девушка сказала:

– К тебе! – и игриво выстрелила в Артема карими глазами.

Артем опешил.

– Что, Артем? Неожиданный поворот? Жена, небось, будет не особо рада? – Оксана засмеялась.

Артем в ответ тоже улыбнулся.

– Не знаю. Я уже лет двадцать, как разведен. Просто, дома не прибрано...

– Ну, а что? Вот, заодно продемонстрирую навыки домохозяйки. Приберу, приготовлю утром завтрак... Кстати, что любишь на ужин? Завтраком мы же не ограничимся? Ты что-то говорил про ужин?

Оксану искренне веселило происходящее и особенно – глупеющее с каждой минутой лицо обретенного друга.

Артем стойко выдержал тему перспективы совместной жизни, которую Оксана развивала всю дорогу. Встретивший шефа Евгений, ведя автомобиль по направлению к Арбату, молчаливо кидал взгляды сквозь зеркало, ожидая команды на «выброс» щебечущего художника с розовым чемоданом.

– Завтра подъезжай к 9 утра, – нарочито громко сказал Артем. – У меня суд.

Никакого суда у него, конечно, не было запланировано, просто перспектива провести завтрак, обед и ужин в обществе оказавшейся столь навязчивой Оксаны Каховского не прельщала.

Однако, напрасно волновался. После весьма приятной ночи вчерашняя попутчица встала по будильнику Артема и в 8.30 уже накрашенной и одетой жарила обещанную яичницу. В 9.00 Артем выволок розовый чемодан из квартиры и погрузил в такси, которое Оксана вызвала сама.

– Я бы тебя подвез, Оксан, но... – начал было Артем.

– Артем, прекрати, какие проблемы? – Оксана одарила его искренне дружеской улыбкой. – Нормально покуражились вчера. Спасибо, кстати. Мы, интеллигентные барышни, в Европах не особо избалованы нормальными человеческими отношениями. У нас мужчины чемодан поднести в аэропорту не пытаются. Правила безопасности аэропорта и все-такое... А тут в России все такое милое... И ты – особенно.

Звучно чмокнула Артема в щеку и, помахав рукой, села в такси.

После этого они встречались довольно часто. Это было совсем ненавязчиво для Артема, всегда боявшегося серьезных отношений. Он даже выдумал слоган для своего «публичного одиночества»: «Относитесь серьезно к серьезным отношениям, избегайте их!»

Но Оксана и не настаивала на отношениях, не задерживалась в квартире Артема более одной ночи, даже когда Артем этого хотел.

Она говорила: «Милый, у меня с собой комплект только для одной ночевки. Все нужные вещи расположены по месту постоянного гнездования. Хочешь, чтоб я переехала к тебе?»

Артем отвечал в игривом тоне: «Не дай Бог!»

Так они и встречались год. Правда, за это время ни разу Артем так не «лажался», как вчера.

«Угораздило же меня...» – вслух подумал Артем, вставая с постели, и подумал, что произнесенная фраза имеет двойкий смысл. Угораздило вчера так напиться или угораздило связаться с Оксаной? Даже улыбнулся, впервые за это болезненное утро.

– Как посидели? – ехидно осведомилась Тина, как только Артем наконец вошел в приемную.

– Волшебно! – ответил Каховский, направляясь сразу в кабинет. – Нарисуешь газированной воды?

– С лимоном? – уточнила Тина.

– А что, есть лимон? Богато живут известные адвокаты... Может, найдется бутерброд? – Артема подташнивало.

– Могу заказать еды в офис. Суши? Пицца? Лапша?

– Суши – бэээээ, – Артем брезгливо поморщился. – Лапша горячая – хорошая тема. И суп. Лучше суп с лапшой.

Сел в кресло у рабочего стола, включил компьютер, открыл почтовый мессенджер.

Первое же высветившееся неп прочитанное письмо привлекло внимание. Отправитель – «Общество «Немецкий клинок»»:

«Уважаемый господин Каховский!

Наше общество «Немецкий клинок», созданное по инициативе и при содействии ряда известных немецких, американских и российских коллекционеров холодного оружия, приглашает вас на дружескую встречу-ужин в дворцовом комплексе Сан-Суси г. Потсдам.

Вы сможете насладиться авторской кухней известного берлинского шеф-повара Андреаса Штольца, в приятной дружеской атмосфере увидеть старых и завести новых друзей и, главное, ознакомиться с уникальными творениями немецких оружейников из частных коллекций, которые будут доступны только для вас в этот вечер в хранилище музея.

С дружеским приветом,

Президент общества – Манфред Шермер».

К письму было приложено цветное приглашение в формате pdf с картой проезда к месту проведения мероприятия.

«Я-то тут каким боком? – подумал Артем. – Меня ничего не связывает с немецкими клинками, кроме... кроме дела Андреева. С чего это они?»

Артем просмотрел почту в надежде увидеть разъяснение от кого-то из друзей. Иногда подобные приглашения, никак не связанные с Артемом, присылали друзья или клиенты, являвшиеся спонсорами или организаторами мероприятия. С некоторых пор Артем стал, как он сам выражался, сеньором из общества; его воспринимали как VIP-гостя, поэтому приглашения на подобные «тусовки» не были чем-то экстраординарным.

Не найдя пояснений во «входящих», Артем вспомнил, кто мог его осчастливить подобным приглашением. Конечно же, коллекционер Сизи Причалов, ведь Артем был у него на днях, и именно по вопросу «немецкого клинка».

«Да, однозначно Сигизмунд свет Батькович», – подумал Артем и набрал номер телефона коллекционера.

«Абонент временно недоступен», – сообщил автоматический голос в трубке.

Артем набрал номер антикварной лавки.

– Антикварный салон, чем могу помочь? – трубку сняла секретарь Сигизмунда, она же продавец, консультант, менеджер и уборщица.

– Это адвокат Артем Каховский. Я бы хотел поговорить с...

Артем не договорил, так как девушка перебила:

– Сигизмунда Робертовича сейчас нет, он улетел, но просил передать, если вы позвоните, что он вас очень ждет в Потсдаме. Сказал – вы знаете. Мне поручено купить вам билет на самолет и забронировать отель. Артем Валерьевич, я могу получить копию вашего паспорта, пожалуйста?

– Честно говоря, я... – опять начал Артем, но бойкая помощник Сигизмунда оказалась не менее настырной, чем его Тина.

– Вы пришлите мне копию мейлом, или «Вацап», или «Вайбером», я закажу все. Сигизмунд Робертович сказал, что вы обязательно должны быть на этом мероприятии, так как это «для вас» очень важно.

Она произнесла «для вас» таким тоном, что не оставляла сомнений в необходимости прямо хоть сейчас ехать в аэропорт.

Артем, глянул на электронный календарь. Эта пятница занята только до обеда, ужин планировался в субботу, так что вполне можно вылететь в пятницу вечером или в субботу утром, и провести время в приятной атмосфере дворца Фридриха Великого, авторской кухни какого-то повара Андреаса и любителей старого металлолома.

– А если я полечу не один? – вдруг вспомнил о необходимости «искренних» извинений перед Оксаной Артем. Полет на ужин в один из самых красивых уголков мира – вполне мог стать альтернативой «мороженому до совершеннолетия» обиженных детей.

– Нет проблем, Сигизмунд Робертович предупредил о таком возможном желании. Пришлите и её паспорт тоже.

«Её... – подумал Артем. – Почему её? Может, я полечу с другом, братом или сыном? Её...» – Но вслух только буркнул: «Хорошо, спасибо, я пришлю», попрощался и закончил звонок.

«Окси, принимаются ли мои извинения в виде ужина в Сан-Суси (Потсдам) в субботу? Летим в пятницу? В воскресенье обратно. А?» – написал Артем сообщение обиженной подруге.

Через минуту прочел короткий ответ: «Негодяй! Целую!»

Только сейчас Артем заметил, что рядом стоит Тина со стаканом газированной воды с лимоном и укоризненно на него смотрит.

Глава 7

Штаммфюрер Клаус фон Шерер – руководитель отряда – стоял за кафедрой в лекционном зале школы, где после занятий обычно проводились сборы членов «Гитлерюгенд». Будущее Рейха ровными рядами сидело за школьными партами ниже лидера, как было принято в любой немецкой школе. Красные линии нарукавных повязок ножами свастик резали пространство на шесть ровных рядов.

Штаммфюрер любил это зрелище: три десятка парней в коричневых рубашках с одинаковыми прическами внимали ему, как и тысячи молодых людей зажигали огонь сердец искрами слов Адольфа Гитлера.

– Провести XI Олимпийские игры изъявляли желание тринадцать городов из трех континентов. Впервые в истории за право организовать Олимпиаду боролось так много кандидатов. При голосовании в Международном олимпийском комитете одержал победу Берлин! Выбор был справедлив! Вы еще не родились, когда Берлин должен был стать хозяином VI Олимпийских игр в 1916 году. Из-за войны, спровоцированной нашими врагами, Олимпиада не состоялась. И сейчас враги Рейха не дремлют. Они всячески пытаются сорвать планы нашего фюрера сделать Олимпийские игры в Берлине самыми величественными, чтобы показать всему миру наши великие планы и доказать торжество идей национал-социализма.

Чернокожее меньшинство в Америке, пользуясь еврейскими деньгами и влиянием, пытается давить на истинных патриотов спорта в Олимпийском комитете, стараясь превратить олимпийское движение в свою мелкую лавочку, где они бы ставили завышенный ценник на свои идеи.

Еврейское мировое лобби призывает вынести внутригерманские дела на олимпийский уровень, это в их подлом стиле.

Наш фюрер считает, что неграм и евреям нечего делать на Олимпиаде. Почему свободный человек вынужден оспаривать пальму первенства у подневольного чернокожего? Это беспримерное оскорбление и бесчестье для олимпийской идеи, и древние греки перевернулись бы в гробу, если бы узнали, во что превратили современные люди их священные национальные Игры. Но! Германия находится в разгаре национальной революции, которая пока еще не нашла поддержки во всем мире из-за евреев и их прихвостней.

Наша революция характеризуется исключительной, невиданной прежде дисциплиной немецкого народа. Именно поэтому мы не имеем права дать повод нашим врагам сорвать Олимпиаду, как бы они ни старались.

Поэтому фюрер поставил задачу перед нами временно, на период до и во время Олимпиады, приостановить праведную активность по искоренению из нашей жизни евреев и иных недочеловеков, вроде негров и цыган.

Враги Рейха, зная о том, что Международный олимпийский комитет обязан формально реагировать на еврейские обращения и проводить проверки на так называемую лояльность к евреям и прочим недочеловекам, могут организовать провокации на улицах наших городов. В частности, они могут специально устанавливать лозунги и объявления в местах общественного досуга, магазинах, ателье и прочих, например, такие как «Евреи нежелательны», «Евреям вход запрещен» и другие... В этой связи в вашу задачу входит предупреждение хозяев заведений, где вы обнаружите подобные провокационные надписи, о необходимости убрать их в кладовые, а в случае отказа можете осуществить действия по демонтажу или их сокрытию самостоятельно, с обязательным докладом мне, где, когда и при каких обстоятельствах вынуждены были это сделать.

Юный Отто Шульц сидел за второй партой у окна и внимал командиру, не пропуская ни слова. В то же время мысли то и дело перелетали из класса, где дыхание десятков товарищей

звучало в унисон с дыханием всего народа в преддверии великого для Рейха события, в кондитерскую на Жандарменмаркт, где, вероятно, сейчас Оттилия раскладывала на прилавке эклеры и прочие сладости. И даже не подозревала, что еврейские провокаторы могут подло наклеить на витринное стекло какую-нибудь антисемитскую табличку. Отто аж заерзал на стуле в волнении, так живо себе представил мерзкого жидовского провокатора в роговых очках, с мясистым крючковатым носом и большими волосатыми ушами, рядом с которыми вьются рыжеватые пейсы.

– Наши враги, враги Рейха, призывают бойкотировать Олимпийские игры в Берлине, – продолжал ораторствовать штаммфюрер. – Им нужен повод! Наша задача – не дать евреям ни малейшего шанса использовать спортивные игры как оружие против идей национал-социализма.

В мыслях Отто к еврею, клещащему провокационную табличку на витрину кондитерской, прибавился второй еврей-фотограф, этакий проплаченный журналист, налаживающий свой еврейский фотоаппарат, чтобы сделать фотоснимок и отправить в Олимпийский комитет для срыва Олимпиады. Отто сжал кулаки в бессильной злобе и очень захотел немедленно бежать к Оттилии или ее матери с предупреждением о возможных провокациях. Представил себе, как даже среди ночи сможет подкараулить врагов у кондитерской Шмук, помешать коварным замыслам, а то и задержать врагов и сдать полиции.

– Задача, которую ставит перед нами фюрер, – продемонстрировать миру новую, возрожденную и – главное – миролюбивую Германию. Мы затмим все предыдущие игры и по размаху соревнований, и по числу участников и зрителей.

Нам предстоит участвовать в осуществлении этих замыслов. Вы знаете о развернутых масштабных строительных работах в нашем городе. И прежде всего о реконструкции спортивного комплекса «Олимпиа-Парк», возведенного еще в преддверии несостоявшихся VI Олимпийских игр. В комплексе возводится стадион на 90 000 мест, отдельный хоккейный стадион, манеж для верховой езды, плавательный бассейн, открытая спортивная арена и Олимпийская деревня на 140 домов. Работы в разгаре. Наша задача – вынос строительного мусора и благоустройство территории. Конкретные объекты для работы станут известны уже завтра. Так что завтра сбор после уроков здесь же, но в рабочей форме одежды. Будьте готовы засучить рукава и потрудиться, как этого требует от нас наш народ и наш вождь Адольф Гитлер. Хайль Гитлер!

Все подскочили, выбросили руку в приветствии.

Через пять минут Отто уже крутил педали старенького велосипеда по Фридрихштрассе в сторону Жандарменмаркт. Весенний воздух был полон ароматом распустившихся липовых листочков, приятно щекощущим ноздри, сменяя привычный зимний запах дыма угольных печей берлинских квартир.

Сегодня двухколесный семейный транспорт был в распоряжении Отто, он делил велик с младшей сестрой под строгим контролем родителей. Отец Отто – Рихард Шульц служил архитектором в ведомстве Альберта Шпеера. Мать – Брунхильда работала у самого Бальдура фон Шираха, фюрера «Гитлерюгенда» в машинописном бюро. Никакого значения для отношения к Отто в коллективе организации ни место работы матери, ни тем более отца не играли. Среди одноклассников были дети и старших офицеров вермахта, и даже элиты немецкого общества – офицеров «СС». Отто мечтал когда-нибудь, так же, как эти тевтонские рыцари, получить черный кортик офицера «СС» 9 ноября, в годовщину подавленного баварской полицией и рейхсвером «путча Гитлера-Людендорфа» в 1923 году. Представив, как ему – СС-анвертеру³ вручает кинжал сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, крепко вцепился в руль велосипеда и ускорил вращение педалей. Вот он, Отто Шульц, берет оружие двумя руками, подносит ко лбу, как распятие... В этот момент, потянув двумя руками руль на себя, пытаясь прикоснуться холодным

³ Кандидату в члены СС.

металлом к разгоряченной мечтами голове, Отто на секунду закрыл глаза и, наехав на бордюр, звучно шлепнулся с велосипеда.

Стоящие на тротуаре две особы в синих юбках Союза немецких девушек захихикали. Отто встал, отряхнул форму и нахмурил брови в их сторону. Девчонки засмеялись в голос.

Отто с сердитым видом вновь влез на своего двухколесного скакуна и быстро удалился под звуки звучащего вдали военного марша и топот маршевой колонны.

Пересек Унтер ден Линден, потом Берен Штрассе, повернул на Францёзише штрассе, где рядом с большим заведением «Борхард» приютилась кондитерская Шмуков.

Уже подъезжая, снизил скорость и зорко оглядел окрестности в поисках затаившегося коммуниста или еврея с фотоаппаратом. У входной двери спешил, прислонил велосипед к стене и подошел к витрине. Пару минут любовался выставленными сладостями: разнообразными пирожными, эклерами, ягодными тортиками и тающими во рту маленькими безе. Вспомнив, ради какой великой цели здесь, Отто нахмурил брови и вгляделся в глубь витрины. За прилавком Барбара Шмук обслуживала покупателя. Оттилии видно не было. Отто оглядел стекло. Никаких провокационных надписей или вывесок. Постоял минуту в раздумье, затем решительно вошел внутрь. Густой аромат ванили и свежей выпечки мягко обволок лицо, вполз через ноздри и уютно расположился в легких, мгновенно успокоив ритм бьющегося между ними сердца.

– До свидания, хэrr Грубер, заходите еще к нам, всегда рады! – прощалась Барбара с пожилым господином в выдавшем виды, но все же приличном костюме.

– До свидания, фрау Шмук, – господин приподнял шляпу над головой в прощальном приветствии и пошел к выходу, как-то неодобрительно взглянув на юношу в форме «Гитлерюгенд».

Отто осмотрел форму, расценив этот взгляд пожилого господина как адресованный последствиям недавнего падения с велосипеда. На всякий случай отряхнулся еще раз.

– Добрый день, молодой человек! Что вам сегодня? Эклер? – поинтересовалась Барбара приветливо.

– Добрый день, фрау Шмук! – Отто взглянул в сторону шторы, отделяющей торговую зону кондитерской от подсобной. Показалось, что уловил какое-то движение. Вероятно, сейчас Оттилия должна выйти и вынести товар.

Фрау Шмук перехватила взгляд Отто и улыбнулась.

– Так что сегодня? С ванильным кремом или шоколадным?

– Я... Да...

– Да, что? С ванильным или шоколадным?

– С ва... с шоколадным... Да. Спасибо. Один.

Отто протянул фрау Шмук несколько пфеннингов.

– Выбирай! – фрау Шмук сделала жест в сторону прилавка со сладостями.

Отто ткнул пальцем в первый же с краю. К вкусному запаху снаружи и внутри себя он адаптировался. Он здесь не для эклеров! У него – миссия!

Фрау Шмук взяла серебрянными щипчиками аппетитное лакомство, положила в тончайшую скрипучую бумагу и протянула Отто. Даже не предложила обычную в таких случаях картонную коробочку, зная, что эклер будет уничтожен немедленно. Она улыбалась.

Отто принял из рук Барбары вожденное пирожное, с достоинством поблагодарил и отошел в сторону, где стояли два круглых столика для таких же сладкоежек. Эклер растворился в мгновение. Отто не хотел, чтобы кто-то увидел его за этим занятием. Сладкое пирожное – слабость. Будущий офицер СС должен быть воздержан от таких способов ее проявления.

Вытер губы салфеткой и снова с надеждой взглянул на штору. Теперь уже сомнений не было, шторка качнулась и с подносом сладких проявлений слабости появилась она. Оттилия грациозно поставила поднос с обратной стороны прилавка и принялась пополнять истощенное

за утро его содержимое. Она была в клетчатом платье и белом фартуке, на котором красовались пара свежих пятнышек ягод и шоколада.

– Добрый день! – дежурно приветливо, как и любому другому посетителю, сказала Оттилия.

– Добрый день, фроляйн Оттилия! – придав голосу офицерскую солидность, ответил Отто.

Из-за нее, но в большей степени из-за снова выскакивающего из груди сердца, он не услышал дежурных ноток в словах Оттилии. Ее голос звучал слаще, чем все эти пирожные на прилавке.

Фрау Шмук посмотрела на детей, улыбнулась и сказала:

– Оттилия, я отлучусь на пять минут. Побудь с покупателями.

Она удалилась. Отто минуту стоял молча, хотя понимал, что такой возможности поговорить с Оттилией наедине может скоро и не представиться. Наконец, решился, откашлялся.

– Меня зовут Отто Шульц.

– Я знаю, – улыбнулась Оттилия, продолжая раскладывать пирожные.

– Да... Я уже говорил, видимо, – Отто опять на минуту замолчал.

– Вы всегда в этой форме? – спросила вдруг Оттилия.

Отто не ожидал вопроса, растерялся.

Оттилия заметила это и, улыбнувшись, добавила:

– Вы всегда такой официальный? Хотя форма вам идет...

Отто пришел в себя, расправил плечи и отчеканил:

– Фроляйн, мы в «Гитлерюгенде» всегда готовы вас защитить. А потому всегда в форме и всегда на страже.

– От кого защитить? И кого это – нас? – спросила Оттилия, продолжая улыбаться и раскладывать пирожные.

– Нас, то есть вас – гражданских. Мирное население. От врагов! – убежденно ответил Отто.

– А враги – кто? – добродушно спросила Оттилия.

Отто почувствовал, что начинает злиться. Что за вопрос? Оттилия не знает, кто враги немецкого народа? Как такое может быть?

– Наши враги – евреи. И коммунисты!

– Ну и как вы будете нас защищать? – Оттилия посмотрела ему в глаза очень серьезно.

– Вот я, например, тут... У нас задание. Мы сейчас должны помочь вам... Чтобы евреи и коммунисты не спровоцировали. Они хотят сорвать Олимпиаду! – Отто тщательно подбирал слова из утренней речи штаммфюрера.

– И как вы собираетесь помочь? – спросила Оттилия, продолжая смотреть прямо в глаза.

– Мы... Я вот... Тут мой пост. Чтоб не спровоцировали и не сделали фотографию.

– Отто, вы не обидитесь, если я скажу вам честно, я ничего не понимаю, – Оттилия перевела взгляд с его лица на поднос и выложила оставшиеся пирожные на прилавок.

Отто проследил взглядом движения ее рук, несколько раз скользнул по вновь прибывшим эклерам.

– Фроляйн Оттилия! Евреи хотят повесить на вашу кондитерскую вывеску «Долой евреев!» Я должен им помешать!

– Зачем евреям писать «Долой евреев?» – спросила вышедшая из подсобного помещения Барбара. – И почему у нас в витрине?

– Они хотят сорвать Олимпиаду! – повторил Отто теперь уже для матери Оттилии. – Они замыслили такую подлость, хотят показать миру, что у нас не любят евреев. Чтобы на Олимпиаду в Берлин никто не приехал. Мы им должны помешать, потому что Олимпиада должна быть в Берлине и мы должны показать миру, что...

– Что мы любим евреев? – спросила фрау Шмук.

Оттилия едва заметно улыбнулась. Барбара Шмук не улыбалась, а просто с любопытством смотрела на юного оратора.

– Мы? – Отто аж задохнулся. – Мы не можем любить евреев! От них все зло! У них вся собственность, которую они забрали у немцев! Они во всех театрах, они во всех банках, они мечтают о захвате мира!

– Отто, я ничего не поняла. Нет, конечно, если так надо, то обязательно нужно помешать евреям вешать лозунги «Долой евреев». Я просто не понимаю, зачем? Допустим, евреи повесят такие лозунги. И к нам на Олимпиаду кто-то не приедет. Но ведь если на Олимпиаду не приедут те, кого раздражают такие лозунги, значит, они любят евреев? А раз они любят евреев, то они либо сами евреи, либо проплачены евреями. В любом случае, зачем они нам на Олимпиаде?

– Фюрер приказал, чтобы Олимпиаду не сорвали евреи и их прихвостни! – Отто понял, что самое простое для солдата – выполнять приказ, потому и ответил фрау Шмук именно так. – Вся немецкая нация сейчас, как сказал наш штабсфюрер, солдаты фюрера, значит, надо просто выполнять приказ и не рассуждать.

– Тогда конечно! – Фрау Шмук всплеснула руками. – Это бесспорно, молодой человек! Приказ Фюрера – закон! Хотите еще эклер? За счет заведения?

Отто хотел было принять сладкий подарок, который хозяйка кондитерской уже протянула, но одернул руку и только сказал твердо:

– Благодарю! До свидания, фрау Шмук! До свидания, фроляйн Оттилия!

Отто развернулся и вышел на улицу. Выйдя за дверь, повернулся и снова окинул взглядом витрину. Провокационных лозунгов не было. Сквозь стекло ему помахала рукой Оттилия. Она улыбалась.

Отто оседлал велосипед и двинулся в сторону церкви святой Ядвиги. Ветер липовых листочков и ванили дул теперь в спину, так что Отто его не чувствовал.

Глава 8

В пятницу с утра Артем подготовил кучу обещанных Весло ходатайств. Живо расписал необходимость допроса эксперта, которому уже придумал с десятков вопросов. Клинок «Гитлерюгенда» в деле волшебным образом превратился в кухонный нож? Это ж надо было заменить протокол выемки, осмотра, постановление о назначении экспертизы и само заключение эксперта. Бесследно такие фокусы вряд ли проходят.

Подумав немного, Каховский решил не подавать ходатайств, ибо Весло все равно в них откажет. Написал жалобу. Отправил на печать Тине. Через минуту та не замедлила явиться.

– Артем Валерич! – удивленно смотрела она на адвоката. – Я не поняла? Мне что печатать? Ходатайства или жалобу? Всё напечатала на всякий случай...

– Ну, наверное правильно... – промычал Каховский. – Я еще не решил.

– Не решили, просить следователя или жаловаться на него? – Тина хмыкнула, как умела только она. Этакая смесь удивления и гордости, выраженная одним звучным выдохом легких.

– Ну... – Артему выдох Тины всегда грел самолюбие. – Следователь представил адвокату вместо ранее собранных доказательств какую-то липу! Потому и жалоба... Хотя...

Артем задумался на секунду.

– Хотя эту жалобу начальник все равно распишет для рассмотрения тому же Весло, а сам даже читать не будет, – сказал он с раздражением.

– Почему? – скорее для поддержания разговора с шефом, чем от непонимания, спросила Тина.

– Пикантная особенность выстроенной на сегодня правоохранительной системы заключается в рассмотрении жалоб как раз теми, чьи действия и обжалуются, – Артем с важным видом поднял вверх указательный палец.

– А я читала, Медведев сказал, это «откровенное безобразие»! – Тина сделала серьезное лицо, стараясь изобразить премьера, говорящего с трибуны.

– Если Медведев сказал, значит, безобразие. Хотя это и ежу ясно. Просто так системе удобно, – Артем потянулся в кресле. – Следователь зависим от своего начальника, тот – от своего, а тот в свою очередь от еще большего начальника и так до самого архиважного начальника.

– А архиважный начальник разве не должен проверять безобразия? – Тина театрально нахмурила брови.

– Должен, но не будет. Тем более такого придворного следака, как этот. Отправит жалобу вниз до самого Весло, которому «спустит» жалобу для рассмотрения его непосредственный начальник. А Весло просто напишет проект ответа и начальник подпишет. В лучшем случае скажет следователю что-то типа: «Долго еще они будут жалобы строчить, эти твои адвокаты?», потом оба посмеются и на этом рассмотрение жалобы можно считать законченным.

Артем не в первый раз пересекался с Алексеем Весло по делам. Как-то из-за настойчивости Каховского у Весло были реальные неприятности. Он установил слежку за адвокатом, дав об этом поручение полиции. А такие вещи допускаются только с санкции суда, о чем Весло, конечно же, «забыл». Артем, узнав о «неспортивном поведении» следователя, тут же накатал заявление о возбуждении против того уголовного дела за превышение полномочий. Конечно, Весло все традиционно сошло с рук, как и при рассмотрении обычной жалобы, но разговор с начальником он имел серьезный. Заявление о возбуждении уголовного дела против следователя всегда под контролем прокурора, а тот не всегда в настроении.

Весло тогда сделал все возможное, чтобы надавить на подзащитного Каховского. У следователя тысячи способов внушить сидящему в камере человеку, что тот сидит исключительно из-за «плохого» и «жадного» адвоката, а не из-за хорошего и честного следователя. В итоге

подзащитный Артема отказался от услуг своего адвоката. Весло лично позвонил Каховскому и сообщил об этом, не скрывая радости.

– С чего такая честь, Алексей Сергеевич? – спросил Артем. – Неужели целый следователь, аж по особо важным делам, будет звонить какому-то адвокатишке, чтобы сообщить простую новость? Ну, отправили бы просто по почте бумажку, как обычно вы любите.

– Посчитал, что будете рады поскорее узнать, что больше не в деле, – ехидничал Весло.

– Ну, спасибо, конечно. Уважили. Теперь мы сможем подружиться, – съязвил Артем.

– А мы и не ссорились, – поправил Весло.

– Да, как же? Я же писал жалобы на вас? Даже заявки строчил!

– Ну и что? А я плевал в телевизор, когда вас там показывали! – победно парировал Весло.

– Ну, это ваш телевизор... Небось, весь экран заплыванный... – дружески закончил тогда разговор Артем.

Вспомнив тот случай, Каховский решил повторить маневр.

– Знаешь, Тина, я все-таки напишу на него донос, а не жалобу. Точнее заявление о возбуждении уголовного дела за превышение полномочий. Иди к себе, я скоро отправлю на печать.

Тина удалилась, а Артем вскарабкался на подаренный в прошлый день рождения электроборд. Умная двухколесная машина что-то непонятно сказала по-английски, мигнула огоньками и покатила Артема по кабинету. Артем старался держать равновесие, регулируя траекторию движения нажатием на платформу носком или пяткой. Сделав в задумчивости три десятка кругов и ощутив боль в ступнях от постоянного напряжения, осознал, что заявление о привлечении Весло к уголовной ответственности так же, как и жалобы, будет выброшено в мусор.

Соскочив с волшебного самоката, норовившего съездить на прощание колесом по голени, Артем подошел к шкафу, где за дверкой прятался внушительный сейф для самых важных бумаг. Набрал цифровой код, открыл массивную дверь. Из дальнего угла сейфа рука привычно извлекла шкатулку. Осмотрел шкатулку со всех сторон, нажал едва заметную выпуклость. Шкатулка беззвучно зевнула крышкой. Внутри лежал ключ, цифры на котором свидетельствовали о принадлежности к замку банковской ячейки. В одном из банков Москвы Артем хранил другой ключ от ячейки в хранилище старинного швейцарского банка. Раньше в Швейцарии Артем хранил ту красную коробку из-под китайского чая, где лежала кадиланица Корея, волею случая сделавшая Артема хранителем. Вновь обретя кадиланицу, после противостояния с Глыбой – псевдоофицером ФСБ, Артем вывез ее в Швейцарию и поместил под замок. Но оказалось, что странным образом восстанавливать справедливость адвокату Каховскому стало гораздо сложнее. Не так легко давались победы в суде, не особо-то рассматривались жалобы, да и приглашений для интервью в СМИ стало гораздо меньше. Сила кадиланицы значительно уменьшилась лично для Артема по мере ее удаления. Артем тогда крепко задумался над своим предназначением хранителя такого серьезного артефакта. Если кадиланица оказалась у него, в России, значит, и хранить ее надо не просто для сбережения от всяких Глыб и потомков Корея. И место хранения должно быть не в альпийской стране, а на родине Достоевского, там, где исторически со справедливостью проблемы.

Артем перевез кадиланицу обратно в столицу и поместил в ячейку, но в другом банке. Получилась странная конструкция – в офисе у Артема лежал ключ от банковской ячейки московского банка, где хранится ключ от швейцарского сейфа. В Швейцарии теперь лежал ключ и пароль от другого московского хранилища, куда Артем поместил красную коробочку с кадиланицей. А само хранилище было оформлено не на имя Артема, а на имя мамы, у Артема была только доверенность для доступа. В любом случае, чтобы Артем смог прикоснуться к хранимому артефакту в Москве, надо слетать в Швейцарию за ключом.

Повертел ключ в руках. Лететь в Швейцарию не хотелось. Да и кадиланица, как Артем успел уяснить, не была некой волшебной лампой, исполняющей желания. Как и молитва не

является почтовым отправлением к Богу. Артем припомнил разговор годичной давности со своим духовным отцом, ставшим особенно в последние годы его лучшим другом, отцом Петром.

– Отец Петр, в церкви приняты молитвы на все случаи жизни. На всякую потребу, за здоровье, за упокой, о болящих, о раненых, о проблемных детях... Целые сборники продаются прямо в церковных лавках... Но ведь если я правильно помню Евангелие, то... Иисус был против разных и длинных молитв?

– Верно, сын мой, Иисус сказал: «Молясь, не разглагольствуйте, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны», – отец Петр процитировал евангельскую заповедь дословно, поглаживая небольшую, но густую бороду.

– Ну вот, отец Петр, получается все эти сборники молитв не нужны? Нужна только одна, которую мы называем «Отче наш»? – спросил Артем.

– Иисус так говорил, да... – отец Петр улыбнулся.

– Ну, и...? – Артем ждал продолжения.

– Что «и», Артем? Ты ждешь от меня чего?

– Жду ответа на вопрос! Зачем длинные молитвы и толстые сборники, если Иисус учил молиться только одной молитвой?

– В Евангелие также сказано, что Иисус молился буквально перед своим распятием: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как я хочу, но как ты...» Так что слова у молитвы могут быть разные. Это просьба к Отцу небесному, а не заклинание. Это во-первых. А во-вторых, мы молимся не только Отцу, но и самому Иисусу. Если ты внимательно читал Писание, то помнишь, как говорил сам Иисус: «Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю».

Отец Петр замолчал на секунду и сказал, понизив голос:

– Хочешь, я тебе открою одну тайну. По поводу молитвы?

– Насчет того, что она не сработает без веры? – Артем улыбнулся.

– Это не тайна, это все знают, – отец Петр улыбнулся в ответ, но тут же посерьезнел. – Молитва – это скорее освобождение места под Божью благодать. То есть... Давай я тебе твоими категориями, ты же у нас компьютерный корифей?

Артем пожал плечами не без гордости. Отец Петр продолжил:

– Так вот, молитва – это способ освободить место в твоём информационном пространстве, занятом чем-то ненужным. Тебе нужно что-то от Господа? Он даст тебе, если веришь. Но! Ты сам говорил мне неоднократно: «Человек – это цифровая программа: нолик, нолик, единичка...» Ты же мне рассказал про двоичный код и как Всевышний все устроил? И как по-твоему тогда он должен дать просящему, если «память» у того и все информационное пространство вокруг заполнены всяким мусором? Так вот, молясь, ты освобождаешь место. А суть твоей просьбы Бог и так знает. Как сказано в Евангелии: «Когда молитесь, не уподобляйтесь многословным язычникам, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду...»

Артем после того разговора с отцом Петром долго не мог прийти в себя. Православный священник так образно привел пример о значении молитвы, так удачно подобрал язык для понимания, что не понять смысла сказанного было невозможно.

Сейчас Артем продолжал держать ключ от сейфа в руках. Теперь-то он понимал, что с силой кадиланицы информационное пространство вокруг значительно расширилось. Как это произошло, было непонятно, да и не столь важно, просто стало очевидным. Поэтому в образовавшееся новое место, в новые ячейки памяти хлынул поток божественной силы; Артему даже просить не пришлось ни о чем. Все работало по установленным кем-то законам, Артем с библейским артефактом значительно расширил свою «память» и «быстродействие», и пустота заполнялась. И чем ближе артефакт был к Артему, тем шире пространство вокруг него было свободно для восстановления справедливости, чем адвокат в общем и занимался ежедневно.

– Тина, я лечу в Берлин. Мне в Потсдам надо в субботу, – обратился Артем к Валентине, приоткрыв дверь кабинета. – Посмотри пожалуйста на воскресенье рейсы Берлин – Цюрих – Берлин. Скинь расписание. Может, из Берлина метнусь в Швейцарию на пару часов. У меня там встреча с одним клиентом. Одним днем обернуться надо.

– А в Берлин из Москвы смотреть билеты? – Тина уже набивала в поисковой строке браузера слова «Берлин – Цюрих – авиабилет».

– Нет, в Берлин и обратно клиенты уже вроде билет заказали.

– Чего так срочно? Один летите? – Тина как-то странно взглянула на него, словно в чем-то подозревала.

– Валя... Тебе обязательно все знать? – Артем почувствовал раздражение.

– Да нет... Необязательно. Вам и отель наверняка «клиенты» заказали, – язвительно выделила Валентина слово «клиенты». – Просто обычно это я делаю.

– Бывает по-разному, знаешь ли, – Артем закрыл дверь кабинета, вновь посмотрел на ключ от сейфа и сунул его в карман.

Нужно было ехать в банк за ключом от швейцарского тайника. Артем вздохнул по поводу сложности придуманной им схемы хранения.

«Надо менять концепцию. Так не наездишься», – подумал он уже третий раз в этом году.

Глава 9

Артем приехал в аэропорт «Шереметьево», набравшись по дороге гнетущих впечатлений от перестроенной по вкусу нового градоначальника Тверской улицы. Главный исторический тракт Москвы стал похож на большую аллею мемориального кладбища. Гранитные тротуары, мраморные цветочные клумбы-гробницы в отсутствие больших деревьев играли в голове депрессивной музыкой «Лакримозы». Большие деревья москвичам обещали со временем, но ходили слухи, что их не будет, ибо клумбы задуманы летом под юные деревца и цветы, а зимой под елочки.

«Москва – зимний город, елки с лампочками – будет красиво», – думал Артем. Летом все равно москвичи на дачах со своими клумбами, планктон катается в скоростных лифтах офисов, депутаты и сенаторы в отпуске на яхтах в Ницце, а город остается для туристов. Для китайцев и прочих шведов Москва – это мавзолей из мрамора, стереотип незыблемости тоталитарной власти, так что все правильно.

Быстро пройдя формальности и предполетный досмотр, Артем оказался в бизнес-лонже Jazz, где было битком ожидавших пассажиров рейсов в Нью-Йорк и Токио. Огромные лайнеры с большим количеством посадочных мест категории «бизнес» перед полетом обеспечивают лаунжи аэропорта посетителями до полного исчезновения чипсов в буфете. Артему было предложено либо подождать, пока пассажиры какого-нибудь из рейсов освободят места и двинутся на посадку, или попытаться посидеть за буфетной стойкой, где еще сохранились пустыми пара вертящихся стульев. Артем решил пошататься по магазинам беспошлинной торговли, хотя уже давно там ничего не покупал. Раньше заходил опробовать новые ароматы мужских одеколонов, щедро брызгая на запястья, шею, ладони и щеки. Прохаживался вдоль стеллажей, принохивался, впитывал через ноздри истекающее перед полетом время. В этот раз летел с Оксаной, а она не любила букет запахов «чужих мужиков от своего мачо», как она выражалась. Поэтому Каховский с утра использовал традиционный парфюм, остатки которого заботливо упаковал с собой.

Оксана примчалась в аэропорт за пятнадцать минут до окончания посадки. Артема уже начало посещать легкое чувство разочарования, совмещенное с радостью от ее опоздания. Он вообще испытывал к Оксане странное чувство, как он его называл, – «чувство одного шага». Как от любви до ненависти. Судя по всему, Оксана отвечала взаимностью. Она была слишком прямой в выражении чувств и уж когда ненавидела, то как врага. Правда, надо отдать ей должное, и любить умела, как никто не умел.

«Хочу стать для тебя облачком любви, чтобы окутать полностью», – так она выражалась, залюбливая его до обморока. Хотя чаще Артем всё же чувствовал себя не в облаке, а в туче, причем понять, когда туча станет грозовой, было непредсказуемо.

– Это ужас просто какой-то! – задыхаясь, поприветствовала Оксана Артема у выхода номер 29. – Собрала все пробки, этот идиот поехал по «трешке», ты мне с этой идеей, как снег на голову, я не успела собрать чемодан толком, я не знаю, какой план, пришлось брать два платья, мало ли что, а джинсы я, похоже, забыла, вот и приперлась в своем рубероидном костюме на все случаи жизни, тут эти еще не хотели брать багаж, я ноготь сломала, как ты мой маленький? У тебя-то все в порядке?

– У меня все – ок. Паспорт и посадочный дай дяде? – улыбнулся Артем и взглядом показал на сотрудника авиакомпании, уже несколько секунд тянущего руку.

Оксана осознала, что от нее требуется, и уже через мгновение смогла продолжить историю сегодняшнего дня, семена за Артемом сквозь посадочный рукав к самолету.

Услужливая стюардесса «Аэрофлота» сразу предложила напитки. Артем взял шампанское, Оксана попросила белого вина, которое тут же принесли.

– Ну, в общем, конец недели перестает быть томным, – сказала она и сделала глоток. Артем тоже пригубил.

– Какой у нас план? – спросила Оксана.

– План пятилетки? Или этого года? – съязвил Артем, хотя прекрасно понимал, о чем его спрашивают.

– Поездки. Мне надо знать. Мы сразу в отель? Обниматься? Я тебя не видела неделю. Или тебе надо куда? Я с тобой? Тогда мне нужно время на прическу и глажку. Чего ты улыбаешься?

Артем пространно попытался объяснить спонтанный план.

– Окси, сегодня мы в нашем распоряжении. Остановимся в Westin Grand на Фридрихштрассе, может, поедим в итальянском ресторане, там рядом.

– Мы поедим сейчас, тут же бизнес-класс. И накатим тоже. Так что из номера не пойдем никуда, я тебя давно не видела. «Цезарь» тебе закажем в номер, если начнешь умирать с голоду, – перебила Оксана. – Дальше что?

– Ладно, хорошо! – Артем понял, что девушка сегодня будет тем самым облачком из любви. – В субботу мы до вечера в нашем распоряжении, ужин в Сан-Суси в двадцать ноль-ноль. Но тут есть проблема: мне надо слетать в Цюрих на пару часов. Это я должен сделать или завтра днем, или в воскресенье. Обратный рейс в Москву у нас вечером в воскресенье, так что я должен успеть туда-сюда.

– А я? – Оксана нахмурилась.

– А ты? Ты... ну, как хочешь?! Можешь лететь со мной, можешь походить по магазинам в Берлине. Купишь платьишко в горошек.

– У меня есть платьишко в горошек! – сердито сказала Оксана. – У меня нет... У меня нет...

– Все у тебя есть! – вспомнил Артем анекдот.

– Пошляк! – Оксана демонстративно отвернулась к иллюминатору. – Ой, мы сейчас полетим!

Она начала креститься и что-то бормотать под нос. Артем глянул в иллюминатор, вырливали на взлетку.

Во время набора высоты Оксана крепко держала Артема за руку и пришла в себя, только употребив еще пару бокалов белого. Обычно после третьего она начинала гладить Артема за щеку, чесать за ухом, говорить ласковые слова и откровенно приставать. В такие минуты, находясь на людях, Артем старался отвлечь подругу от непристойностей разговорами. Оксану цепляло всего несколько тем: кино, религия и классическое искусство (живопись и скульптура). Об искусстве Артем начинал разговор крайне редко, так как Оксану быстро раздражал дилетантский взгляд Артема, различающий только два вида – «нравится» и «не нравится». Чаше всего они говорили о кино. И то, только потому, что смотрели разные фильмы, рассказывая друг другу их содержание, приправленное собственным мнением.

– Ты смотрела... – начал, было, Артем, пытаясь подобрать название фильма.

– Не заговаривай мне зубы, милый, – Оксана улыбнулась и погладила его по щеке. – Мы летим в Цюрих. С тобой. В субботу ведь нам лучше не отлучаться из Берлина, у нас твой званый ужин. Негоже куда-то улетать, мало ли... Погода, отмена рейсов или диарея путешественников. Так что сначала ужин, потом в воскресенье в Цюрих и назад в Берлин. В воскресенье, милый...

Оксана легонько щелкнула Артема по носу.

– В воскресенье никакого шоппинга в Берлине не получится, магазины закрыты. Платьишко я посмотрю в аэропорту Цюриха. В крайнем случае купишь мне швейцарские часы, часовые бутики работают.

Она опять улыбнулась и потрепала Артема за щеку. Несмотря на простоту поведения, начиная еще от первого дня знакомства, перетекшего в ночь, Оксана была далеко не простушкой. Она умела включать и «хабалку», и распутную стерву, но и светскую даму. У нее было пре-

красное образование, здоровая наследственность и врожденный вкус принцессы. С самого первого мгновения Оксана вела себя так, как обычно себя с Артемом женщины не вели. Дурочки пытались казаться умными, что его веселило; у умных зашкаливала высокомерность, что раздражало; скромные недотроги отпугивали целомудренностью из-за вечной нехватки времени и нежелания Артема «серьезных отношений». Оксана была такая, какая нужно, этакая Татьяна из аксеновского «Остров Крым», только не отягощенная замужеством и детьми.

– Ты что-то хотел сказать о кино? – спросила Оксана в заключительной части полета и бутылки белого. – Мы летим в Германию. Давай что-то об этом? Поспорим, а то найду другой повод тебя позлить.

Артему задумался на секунду.

– Смотрела фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем 3: Цитадель», про Вторую мировую войну?

Оксана утвердительно кивнула.

– Помнишь эпизод, когда немецкий солдат насильничал девушку в какой-то деревне, а никто из жителей не пришел на помощь?

– Побоялись. Нормальная реакция обывателей.

– И только одна женщина, убив фашиста, помогла сбежать и обе спрятались в поле. Помнишь, что сказали каратели, когда выгнали всех из хат, ища убийцу?

– Предложили ее выдать, иначе всех сожгут.

– Да, – подтвердил Артем. – А она, спрятавшись в высоких стеблях, хотела признаться, что-то крикнуть. Чтобы спасти ни в чем не повинных людей. А спасшая ее женщина вдруг говорит: «Ты что? Хочешь меня выдать? Никто из них тебе не помог, только я. Ты хочешь сдать меня, ради них?» В итоге всех жителей деревни сожгли.

– Они просто садисты были, эти каратели. Что ты такого нашел в этом эпизоде? Мне кажется, «Цитадель» – плохой фильм про войну, бывали и лучше.

– Да он вообще не про войну, а про людей. Про человеческую психологию в условиях войны. Смерть жителей должна была состояться в любом случае, а попытка выявить убийцу – просто находка режиссера, чтоб заставить зрителя задуматься: «Как бы поступил я?».

– Что значит в любом случае жители бы погибли? С чего ты взял? Ведь очевидно, сдай они убийцу – их бы не сожгли, – Оксана пожалала плечами.

– Окси, вовсе не очевидно. И Михалков это знает. А зритель – нет. Слышала о признаке избыточного насилия, что отличало Вторую мировую войну на территории СССР от той же войны на территории Европы? – продолжил диспут Артем.

– Нет. Что такое избыточное насилие?

Артему потянулось к иллюминатору, слегка отстранив сидящую у окошка подругу. Глянул вниз на проплывающие подушки облаков, отбрасывающих пузатые тени на ровные границы сельхознаделов. С этой высоты не видно людей, просто кластеры разноцветных полей, предназначенные для кого-то высшего. Будто этот кто-то, большой такой, взял линейку и кисть с красками, все расчертил и раскрасил, до самого горизонта нарезал себе лакомые куски, чтобы потом по очереди прожевать и запить из колодцев сверкающих чуть поодаль озер. Будто это создали вовсе не люди, эти маленькие злобные существа, готовые друг друга уничтожить, ради вот этих самых кусочков пирога для пропитания. А кто-то добрый и милый, питающийся желтыми квадратиками там внизу.

– Эй, сладкий? Уснул? – Оксана подала голос. Ей стало некомфортно сидеть в ожидании, пока Артем насмотрится в окно.

Артему чмокнул ее розовую щеку и занял свое место.

– Не хватит на всех еды. Вот этих самых полей внизу.

Оксана тоже глянула вниз. Артем продолжил:

– Признак избыточного насилия – это пересчёт жизни одного высшего человека на значительное число жизней представителей низшей расы. Нацисты не вели войну против большевизма, как представляла их пропаганда. Они вели обычную колониальную войну за территорию. Как Колумб в Новом Свете: именно он впервые оценил жизнь одного христианина в сто индейских.

– И они были просто садисты, вот и все! – возразила Оксана.

– Э, нет! – не согласился Артем. – Убийство женщин и детей для целей колониальной войны делает больше, чем убийство мужчин. Это подрыв биологической силы противника. Это не просто садизм. Это – умышленный геноцид. Я тебе сейчас все легко докажу. Вот, смотри, в июле 1916 года британцы в битве против немцев при Сомме потеряли 60 000 человек в первый же день, а всего в сражении почти полмиллиона. Война длилась еще два года, миграция и болезни выкосили еще сотни тысяч. Но! К 1921 году население Британии не уменьшилось, а, наоборот, выросло на 2 миллиона человек по сравнению с 1911 годом. Почему? Потому что в обычной войне непропорционально гибнут мужчины и женщины. Уложили миллион мужчин, но кто-то остался. И эти кто-то могут произвести потомство через миллион оставшихся в живых женщин. Дети вырастут и тоже плодятся. Но совсем другая картина, когда гибнут женщины и дети, тогда толку от оставшихся в живых мужчин мало. В колониальной Южной Америке в XVI веке конкистадор Франсиско де Чавес, покоря империю инков, приказал убить шестьсот индейских младенцев младше трёх лет. Где теперь эти инки?

– Арти, ну ты правда считаешь «Цитадель» хорошим фильмом? – спросила Оксана.

– За этот только эпизод – да, – уверенно ответил Артем.

– Весь фильм за один удачный эпизод? – усмехнулась Оксана. – Забавный ты, Каховский. Михалков попытался в этом кино постичь тайну советской жизни. Иррациональная советская жизнь: кузов с ранеными, баба какая-то изнасилованная, младенец, названный Иосифом в честь вождя, частушки вечные посреди, как ты говоришь, колониальной войны на уничтожение. Абсурд какой-то с гармошкой и частушками среди ада. И все это под управлением мрачных тиранов, один нападает, другой обороняется. У обоих работает только зверская логика целесообразного насилия. И этот еще эпизод со взятием цитадели... Обязательно им было взять эту цитадель, или что там автор имел в виду? Поразить Германию? Кровавый диктатор Сталин посылает солдат в атаку с деревянными кольями на пулеметы. Перед ними Цитадель-Германия впадает в ступор и взрывается. Чтобы всем было понятно почему, автор стреляет в глаза зрителю кадрами, будто из пулемета строчит. Немецкий снайпер целится в смелого генерала Михалкова, но ему мешает паук на прицеле. Пока снайпер возился с пауком, его уложил советский снайпер, и тут мертвый падающий фашист разливает керосин на газетку, а там очки, и через их линзы солнечный луч поджигает керосин, что-то начинает гореть и цитадели настанет пипец, все взлетает на воздух. На самом деле заслуга паучка или нашего снайпера – непонятно, но философия простая – с кольями тоже можно победить врага. Безумие какое-то!

К концу полета Оксана изрядно «накидалась» вином. Сказались небольшое расстояние от Москвы до Берлина, скромная величина порционной еды и излишняя щедрость «Аэрофлота» на напитки.

В итоге Артем грузил в такси три места багажа, вместо двух.

В номере «Westin Grand» Оксана пришла в себя и сделала несколько робких попыток «приставания», но отключилась, как только услышала первый хруст чистого постельного белья под ухом.

Уложив свою пассиву, Артем присел у окна за рабочий стол полулюкса, открыл банку Berliner Kindl из мини-бара и проверил электронный почтовый ящик. Среди мелкой дисперсии деловых писем внимание привлекло одно – Сигизмунда Причалова.

Антиквар писал:

«Дорогой Арти! Простите великодушно, что не позвонил Вам сам, закрутился. Надеюсь, долетели хорошо. Завтра жду Вас в Сан Суси, ужин под звездами обещает быть весьма приятным. Я Вас представлю руководству общества «Немецкий клинок», Вам будет интересно, уверен. Единственная просьба, когда объявят о просмотре коллекции раритетов, постарайтесь объяснить Вашей спутнице, что она не сможет составить Вам компанию. Это мероприятие крайне закрытое, так что ей придется поскучать под звуки музыки в обществе других дам, для которых в это время запланирован показ дизайнерских шляпок фрау Тирбах. Скажите что-то о заранее составленных списках для посещения хранилища или что-то такое. До встречи.

Обнимаю. Ваш Сизи».

Глава 10

– Ты на меня не сердишься за вчерашнее? – Оксана с утра уже сделала все возможное, чтобы Артем не сердился. Но повторять словесные извинения доставляло ей видимое удовольствие.

– Да с чего? – Артем только что принес себе тарелку с омлетом и сосисками.

Они сидели за столиком в ресторане отеля, где был накрыт завтрак-буфет. Приятная особенность некоторых звездных отелей в том, что за завтраком можно налить себе игристого вина сколько душе угодно. Конечно, мало кто злоупотребляет таким гостеприимством, но основная масса постояльцев, – от пузатых отцов семейства до пенсионерок с одинаковыми прическами, – не брезгует повысить себе настроение этим способом. В домашних условиях нормальному человеку не придет в голову с утра откупорить шампанского и влить в себя двести граммов перед утренним кофе. А вот в отеле, хотя бы и перед деловой встречей, это в порядке вещей.

– Я тебе налил, – Артем взглядом показал на призывно пузырящуюся янтарную жидкость, подвигая бокал.

– Ой, надо с этим завязывать! – Оксана притронулась к голове.

– Что? Болит? – участливо спросил Артем.

– Да нет... Просто дурная какая-то... Я вчера погорячилась.

– Ну, вот и полейся, – Артем заботливо подвинул бокал поближе.

– Змей-искуситель... – Оксана взялась за тонкую ножку, лукаво посмотрела на Артема. – Хочешь меня напоить и...

– Воспользоваться беспомощным состоянием потерпевшей... – Артем улыбнулся. Оксана сделала глоток.

– Ммммм... Черт, как вкусно! Не зря за тобой увязалась в Берлин... Так... Мне уже лучше. Какие планы?

– Какие скажешь? Тебе надо что-то до ужина? Купить платьишко...

– Артем, ты начинаешь повторять шутки. Про платьишко мне неинтересно. Пошли погуляем. Погода хорошая. Покажешь мне свой Берлин. Он же отличается от моего?

– Твой – это галереи и открытие выставок? – Артем закатил глаза.

– Да, только не путать с гламурными пошлыми тусовками, – Оксана протянула руку через стол и погладила его по щеке. – Ты хоть разницу понимаешь?

– А что есть разница? – Артем красноречиво поднял бокал с игристым и скосил глаза к переносице.

– Слушай, не думай, что мы там только напиваемся! – было видно, что Оксана начинает закипать. – Если ты не ходишь на светские мероприятия, то это потому, что тебя туда не зовут!

– Да ладно, Окси, остынь. Я ж шучу! – Артем сделал бокалом встречное движение, предлагая чокнуться.

Оксана смирившись оценивающим взглядом и улыбнулась.

– А и ладно! Чего с тебя взять? Адвокат! Уже звучит оскорбительно!

– Это до того момента, пока в СИЗО не окажешься! – парировал Артем. – А потом адвокат становится единственным другом.

– Повезло, если верным другом! – Оксана никогда не сдавала последнего слова в споре.

– А и правда... – Артему надоело спорить. – Трудно найти друга-адвоката, а уж верного друга среди адвокатов – если очень повезет.

Оксана победоносно посмотрела на Артема и поддержала инициативу чокнуться. Они сделали по глотку и Артем, подмигнув, сказал:

– Значит, тебе очень-очень повезло! Со мной повезло!

Оксана хмыкнула утвердительно.

После завтрака пара вернулась в номер, Оксана попросила «пять минут» на сборы. Через час они наконец вышли на улицу.

– Обычно я останавливаюсь на Ку-Дамме, – капризно заметила Оксана. – Что это за район?

– Митте. Исторический центр Берлина, – ответил Артем. Он любил этот район. – Тут долго была только одна достопримечательность – бетонная стена. Поэтому многие забыли, что красивый город Берлин – это не Курфюрстендамм с бутиками. Берлинская стена – это же не просто бетонный забор. Это – заколоченные дома, заложенные кирпичами окна, контрольно-следовая полоса и вышки с автоматчиками и прожекторами. А теперь посмотри, что тут?

Он сделал жест рукой. Погода стояла по-настоящему летняя, солнце брызгало лучами из стеклянных фасадов современных домов, в которых отражались растущие попеременно с ними исторические здания. Воздух пах липами и ванилью.

– Пошли! – Артем взял Оксану за руку и потащил через дорогу.

Прошли по Берен штрассе, свернули за угол, прошли мимо Regent отеля с вечным стокилограммовым букетом из лилий в холле, остановились на светофоре Францезише штрассе. Впереди блестели золотые купола башен церквей-близнецов Жандарменмаркт.

Выйдя на брусчатку одной из красивейших площадей Европы, Оксана запричитала по поводу каблуков.

– Ну, я ж говорил – будем гулять, сама же просила! – Артем изобразил умиротворенное раздражение. Вроде как, показывая, – «я предупреждал, ты не слушала, сейчас не ной».

– Тут брусчатка! – Оксана осмотрела туфли.

– Удивительно, правда? – съязвил Артем. – Вот, тут красные ровные камни, иди по ним. Надо же фото для Инстаграмчика твоего сделать, терпи уж!

Оксана остановилась.

– Где-то я видела что-то похожее?

– За образец для башен-близнецов Фридрих Великий в XVIII веке взял римскую площадь Пьяцца дель Пополо. Название «Жандарменмаркт» появилось благодаря полку жандармов элитной прусской кавалерии, – Артем изобразил акцентом голос немецкого гида. – Тут конюшни были.

– Надеюсь, не вляпаюсь в конские подарки! – Оксана сняла туфли и взяла их в руку, оставшись босиком. – Пошли уж твое фото делать!

Босая Оксана и Артем подошли к памятнику Шиллеру в центре площади. Как Артем ни старался, смартфоном панораму всей площади снять не смог. Зато с разных ракурсов наснимал. Казалось, Оксана тоже увлеклась. Даже присела, позировав, на ступени драматического театра, хамски прогнав стайку китайских туристов, чтобы не загораживали фон.

Заняв значительное количество памяти фотогалереи мобильных телефонов, Артем с Оксаной вернулись к центру площади, где Артем попытался сделать эксклюзивное фото фасада театра сквозь кованую ограду памятника немецкому поэту.

– Может, пойдём? – нетерпеливо сказала Оксана. – Твоей девочке скучно!

– Сейчас, малыш! – Артем иногда позволял себе называть Оксану так, хотя ей это не очень нравилось.

Женщина тёплым, колдующим взглядом
Манит безумца к домашним уладам,
В тихие будни, от призраков прочь.
Нравом застенчива, в хижине отчей
Путника днём поджидает и ночью

Доброй природы покорная дочь.
Но мужчина в рвенье рьяном
Беспощаден и упрям,
В жизнь врываясь ураганом,
Рушит всё, что создал сам.
Страсти вспыхивают снова,
Укрощённые едва,
Так у гидры стоголовой
Отрастает голова.

– продекламировала Оксана.

– Это современная женская поэзия? – осведомился Артем.

– Это Шиллер. За фото памятника которому тебе наверняка дадут приз, – ответила Оксана и принялась обуваться.

Артему стало стыдно. Он взял Оксану за плечи, прижал к себе и поцеловал в губы.

– Ого! – сказала Оксана. – Это за стихи? Я тебе еще почитаю. Все время будешь целовать?

– Копи поцелуи! – Артем засмеялся. – Это ценный капитал.

– Если копить поцелуи, можно накопить на хороший секс! – Оксана засмеялась в ответ.

Они обнялись и Артем направил их тандем в сторону собора святой Ядвиги на Бебельплатц.

Глава 11

Отто прислонил велосипед к каменным глыбам основания собора святой Ядвиги. Обычно он парковался с тыльной стороны, так как пользовался особым отношением пастора Лихтенберга и входил в храм через заднее крыльцо. Хотя, конечно, дело было не в отношении к нему падре, а в том, что Отто просто стеснялся появляться в церкви с центрального входа, где на широкой лестнице его фигура в коричнево-черном обмундировании «Гитлерюгенд» была заметна издали. В Германии, через год после прихода к власти Адольфа Гитлера, католическую церковь не жаловали, как и любую другую. Нацисты терпели католическую церковь с ненавистью, но расправиться окончательно не решались. К собору святой Ядвиги железная реформаторская рука Рейха добралась бы в любом случае в последнюю очередь. Этот храм был главным католическим приходом Пруссии с XVIII века, построенным с разрешения самого Фридриха Великого. К тому же Гитлеру – этому любителю величественных архитектурных строений – приходилось по вкусу здание собора, спроектированное по образцу римского Пантеона. Вообще признаки римского искусства встречались в Рейхе практически везде – от имперских орлов на штандартах легионов «СС» на параде до булавок и запонок офицеров, марширующих во главе колонн.

Все это было ярко, стильно, завораживающе и, главное, красиво. Внешняя мишура и зрелищность производили неизгладимое впечатление на молодых людей, а те, кто постарше, кому посчастливилось выжить во время Великой войны 1914–1918 годов, сегодня с особой гордостью или маршировали сами под краснобелыми знаменами с пауком свастики, либо восторженно вздымали руку в нацистском приветствии при виде марширующих легионеров.

Гордость за нацию, обида за поражение в почти выигранной войне, ненависть к предателям, укравшим победу, злость на свалившуюся нищету – все эти чувства нового поколения немцев заставляли вибрировать каменные мостовые. Тяжелые сапоги штурмовиков и звуки военного марша только усиливали вибрацию, но не являлись ее причиной.

Войдя внутрь, Отто вежливо поздоровался с проходящим мимо священником, который, узнав его, сделал приветственный жест.

– Пастор Лихтенберг у себя? – спросил Отто. – Я с поручением...

Даже в помещении храма Отто стеснялся сказать, зачем он здесь. В последнее время ему все труднее давалось понимание необходимости общения с падре. В Германии появился новый Бог. Он был во плоти и крови, он зывал с каждой афиши, с первых газетных полос. Его голос звучал по радио, из динамиков на площадях и улицах, его имя скандировали все от мала до велика, здороваясь и прощаясь; его именем клялись в верности и любви, на него молились и ему поклонялись. «Он даже больше, чем Иисус, – думал Отто. – Иисус говорил, что он сын человеческий и доказывал божественное происхождение делами: исцелением больных, превращением воды в вино и кормлением пяти тысяч человек пятью хлебами. Но никто в его родном отечестве не верил ему. Его преследовали и не раз хотели побить камнями. А вот Гитлеру – верят. Гитлер накормил не тысячи, а миллионы. Его не преследуют, а за ним идут. Гитлер – дух, глас и сердце всего народа, ему не нужно говорить, что он – мессия, это и так ясно!»

Зачем же юный член «Гитлерюгенда», мечтающий о карьере в СС, Отто Шульц ходит к католическому пастору Бернхарду Лихтенбергу? Отто все чаще задавал себе этот вопрос, но неизменно ответ был один – родители. Он их любит и пока не готов их расстроить отказом посещать церковь. Тем более его никогда не спрашивали о тех пфеннигах, которые тратились на эклеры в кондитерской Оттилии. Мать полагала, что деньги идут на пожертвования в храм и относилась спокойно к тому, что после каждого визита в церковь Отто приходил домой без единой мелкой монеты в кармане.

– Падре у себя. Но ты подожди, он сейчас занят, у него посетители. Иностраный журналист. Посиди тут, если не торопишься, – священник указал рукой на скамью у дверей комнаты пастора Лихтенберга.

Отто послушно присел. Посидев минуты две, встал и подошел к двери. Она – старая и рассохшаяся, со следами червоточин, давно не умела закрываться плотно, оставляя щель, через которую можно было отчетливо слышать каждое слово разговора внутри.

– Святой отец, вы же знаете, я к вам с благословения Его высокопреосвященства кардинала Конрада фон Прейзинга. Пишу книгу о великой Германии. Точнее о нынешнем периоде жизни великой Германии.

Приятный мужской голос, произнесший эти слова с ударением на слово «нынешнем», принадлежал явно французу. Вероятно, это и был тот самый журналист-иностранец, о котором Отто предупредили.

– Я понимаю, дорогой мой Ксавье, со своей стороны отвечу на любой ваш вопрос. Но, вы должны понять, я не могу давить на уважаемого аббата Штурма. То, что вы просите, может существенно навредить ему. И нам... Вы же понимаете...

Отто сразу узнал голос падре. Тот говорил с французом как с другом, называя его «дорогой». Отто передернуло. Его командир штабмфюрер Клаус фон Шерер никогда при упоминании о Франции или французах не забывал добавлять ругательство.

«Французские свиньи убивали на войне моих товарищей. И если бы не чертовы политики, продавшиеся чертовым французам, мы бы сейчас были в Париже, а не выплачивали контрибуцию до XXI века!» – четко сформулировал основания ненависти к соседнему государству и его населению штабмфюрер.

– Месье Отклок... – раздался незнакомый тихий голос. – Я очень хочу помочь, но факты, о которых вы просите рассказать, могут навредить и вам... Если вы их опубликуете, то вряд ли сможете просто пройти по Берлину в следующий приезд... Без последствий пройти...

– Отец Штурм, – ответил французский голос. – Давайте так, вы мне рассказываете о перевоспитании священников, которое испытали на себе, а я не публикую материал без вашего согласия и благословения. Я просто его подготовлю. Я лишь надеюсь, что с вашей помощью буду иметь представление о том, что тут происходит, и я смогу писать о других фактах, тем более в преддверии Олимпиады, объективно. Если вы благословите публикацию, люди узнают правду. Если нет, они ее почувствуют.

Отто, до этого сомневавшийся в праведности своего поведения подслушивающего чужую беседу, при упоминании французом Олимпиады, отбросил сомнения и превратился в слух.

– Они называют это концерт-лагерем, – с горечью произнес человек, названный отцом Штурмом. – Будто это смешно. Его пресса пишет, что Дахау – это место наказания, а в Хойберге, где я оказался, условия курортные.

– Я читал интервью штабмбанфюрера – начальника лагеря, что в Хойберге политических заключенных «не карают, а перевоспитывают», – произнес француз с уже явной интонацией интервьюера. – Что думать о таких заверениях? Этот вопрос мог бы особенно заинтересовать католические круги нашей страны. Ведь именно туда в основном отправляют священников, заподозренных в... скажем, в не слишком восторженном отношении к режиму.

– Я служил в Вальдхайме, – аббат Штурм явно поверил французам и решился на рассказ. – За мной пришли в январе. Зимой, триста километров до этого курорта кажутся вечностью. Я думал, самое сложное – это дорога. Я ошибался... Из вагонов нас выгрузили на станции Балинген. Не на центральном вокзале само собой. Потом на машинах. По каменистой дороге вверх на плато. Оттуда и правда дивный вид. Синие гребни Альп до самого горизонта, даже не поймешь – это еще горы или уже облака... Курорт для перевоспитания... Наверное...

Аббат Штурм замолчал. Никто не прервал молчания, Отто слышал даже тиканье настенных часов в комнате пастора, в промежутках между биением собственного сердца.

– На первый взгляд – неплохо, подумал я. Не может же быть, чтобы посреди этой божественной красоты кому-то пришло в голову соорудить ад.

– Как он выглядит, этот ад? – спросил француз.

– Полтора десятка двухэтажных бетонных барakov. На первом этаже – два помещения, разделенные вестибюлем. Эти домики строились еще до войны для летнего детского лагеря. Поэтому в них ни отопления, ни туалетов. Нижние комнаты рассчитаны, ну, максимум на десять человек. Точнее детей. А они умудрились поселить туда взрослых... Точнее не поселить, а втолкать вдвое больше. Железные кровати. Постельного белья нет. Все спят на мешках, набитых соломой, которую меняют раз в месяц, когда она совсем уж превращается в вонючую труху. Брать с собой личные вещи запретили, даже туалетные принадлежности. Не важно, надолго ли вы отправились отдыхать: месяц или полгода – ни мыла, ни расчески. Перед дверями каждого барака установлена рогатка, так что остаются только узкие проходы справа и слева, которые постоянно стерегут два охранника с пистолетами. Рогатка обмотана электрическим проводом. Так что, если захотите вырваться, то вас или поджарит током, или пристрелят охранники. Умывальники и туалеты расположены в нескольких метрах от барakov, но туда только по расписанию и под конвоем. И еще: в некоторых бараках окна зарешечены, но кто там живет – им повезло, у них есть окна. Это привилегированные узники. В остальных бараках окна заколочены, внутри полная темнота.

– Отец Штурм, вы сказали «привилегированные узники»? В лагере есть деление на привилегированных и других? – опять подал голос француз.

– Вообще заключенные в Хойберге делятся на три класса. Распределяют всех сразу по прибытии в соответствии с личным делом узника, поступившем из гестапо. Первый класс охранники, шутя, называют раем. Туда попадают те, кто не является открытым политическим врагом нацистов. Они хотят таких переделать в своих, в себе подобных.

Потому и не слишком жесткие меры. У них-то как раз и окна в бараке. Даже посылки с воли разрешены – еда и белье.

У заключенных первого класса подъем в шесть, пять минут на умывание. Потом чашка кофе и хлеб. Потом, как величайшая милость, – работа. Не особо трудная: уборка территории, ремонт, по хозяйству что-нибудь. В час дня обед по баракам. На комнату выдают одну общую лохань, из которой все едят одновременно. Но разрешены вилки и ложки. После обеда снова работа или физические упражнения. Вечером – еще кусок хлеба. В восемь часов все лежат на своих соломенных тюфяках. Я бы не поверил, что это рай, если бы сам не оказался в аду. Есть с чем сравнить.

– Второй класс заключенных намного хуже? – это уже спросил пастор Лихтенберг.

– Они называют это чистилище. Режим такой же, как в первом, только работа гораздо более тяжелая: мощение дорог, пахота земли, сами понимаете, для людей, получающих в день глоток жидкого супа, чашку кофе и два куса хлеба, очень тяжело. Заключенные – в основном рабочие, из социалистов, но не из лидеров. Просто работяги, сочувствующие красным. В бараках чистилища есть окна, но подходить к ним запрещено. И не вздумайте нарушить, стоит кому-нибудь выглянуть сквозь решетку, ему в лицо уже целится охранник...

– Кто попадает в третий класс? – спросил журналист Ксавье де Отклок.

– Такие, как вы, – журналисты, пишущие против них, рабочие-коммунисты, резко критиковавшие власть, и еще... самые опасные враги. Католические священники.

– Отец Штурм, – слышно было, что француз старательно подбирает слова. – Я понимаю, вам крайне неприятно это вспоминать...

– Мы виновны в том, что почитаем записанный в Евангелии долг милосердия! – воскликнул аббат. – Заключенный третьего класса в Хойберге первым делом оказывается в бараке с заколоченными окнами. И там отдыхает две недели. Две недели в зловонной темноте, тесноте, с десятками незнакомых, невидимых, обезумевших от ужаса людей, которые стонут, плачут,

ругаются шепотом, потому что в этой земной преисподней запрещен не только свет, но и звук! И еще голод, звериный голод. Охранники, как зверям в клетку, вносят общее корыто, из которого нужно что-то зачерпнуть руками. Каждый день заключенным ада положены три прогулки по полчаса под охраной вооруженных штурмовиков, не для того, чтобы мы смогли вдохнуть свежего воздуха, а для того, чтобы сравнить наш ад с чистилищем второго класса и раем первого. Я посчитал 21 час за две недели... Думаю, это был самый чистый свет и самый свежий воздух в моей жизни, хотя грешно так думать...

– И триста пятнадцать часов самой смрадной тьмы, – быстро сосчитал француз.

– Вы правы... – в голосе аббата Штурма заскрежетал металл. – Самый последний, триста пятнадцатый час, самый ужасный. Надо сидеть, сжав зубы. Стоит охраннику услышать возмущенное восклицание, и ты не перейдешь вместе со всеми во второй класс. Еще две недели в аду. И так до тех пор, пока твоя воля не превратится в труху, которой наполнены вожделенные тюфяки узников из рая.

– Были ли случаи побега? – поинтересовался журналист.

– Я слышал из Дахау кому-то удалось сбежать. Из Хойберга – нет. Помимо штурмовиков и электрических рогаток в бараках весь лагерь окружен колючей проволокой под высоким напряжением. И у всех входов – часовые.

– Даааа... – задумчиво протянул француз. – Странно, что они в своих газетах не говорят, как полезно электролечение. Бесплатное электролечение в Хойберге. Радикальный метод лечения от самого страшного недуга – жизни в стране, где вас считают лишним.

– Уже цитируете будущую книгу? – спросил пастор Лихтенберг. – Не забудьте упомянуть, что этот курорт не бесплатный. По закону каждый заключенный обязан платить две марки, или 12 ваших франков за день, заполненный этим разнообразным отдыхом.

Отто Шульц отошел от двери. В процессе всего подслушанного интервью в голове рождались, сталкивались друг с другом, со скрежетом терлись о черепную коробку, пытаясь вырваться наружу, противоречивые мысли.

Аббат врет? Такого ведь не может быть! Но он говорил таким голосом, с таким чувством, что не поверить было нельзя. Если не врет, тогда что? Врет штурмбаннфюрер СС в интервью немецкой народной газете? Как такое возможно?

Отто растерялся. На мгновение показалось, что сейчас потеряет сознание. Ослабил галстук, расстегнул пуговицу на коричневой рубашке. Пальцы нащупали ткань, насквозь мокрую от пота. Отто даже не заметил, что пот уже давно залил глаза, приклеил рубашку к телу, так что боец «Гитлер-югенда» стал больше похож на мокрую мышь, чем на будущего защитника Отечества.

Шатаясь, двинулся к выходу. Открыл дверь, сделал пару шагов по ступеням к ожидавшему велосипеду, споткнулся, упал на колени, оперся руками о холодные булыжники мостовой. Его вырвало.

Глава 12

– Я не могу просто так войти сюда!

Артем и Оксана остановились у центрального входа в собор святой Ядвиги. Уже поднимались по ступеням, когда Оксана неожиданно заартачилась.

– Я не могу просто войти! – повторила она.

– Почему? – меланхолично спросил Артем, уже привыкший к резко возникающим капризам подруги.

– Потому что это храм. Я же не могу сюда войти как турист? Я – верующая. Надо подготовиться, посидеть и подумать, о чем просить у Бога.

– Это католическая церковь, а ты... Ты же вроде говорила – православная?

– Без разницы! Мне надо присесть и подумать!

Оксана сказала это таким тоном, что для полного эффекта не хватило только топнуть ножкой. Сдержало видимо только нахождение на ступенях святого места.

Артем, прежде легонько тянувший девушку за руку вверх, спустился на ступеньку ниже и заглянул ей в глаза. Оксана ответила серьезным взглядом, без тени шутки. Стало ясно, она придает посещению храма действительно важное значение.

– Окей! Пошли поищем скамейку, посидим, – предложил Артем.

Огляделись по сторонам. Перед ними рассыпалась брусчаткой площадь Бебельплац с редкими вкраплениями туристических групп, но без единой лавочки, на которую можно было присесть.

– Пошли кружок сделаем! – Артем повлек Оксану за собой. – Обойдем эту стройку, там за углом «Оперн» – кафе, где Бакунин ел пирожные. И сквер.

В центре площади у группы испанских туристов Артем остановился. Люди стояли, склонив головы, и слушали гида.

– Прикольный памятник, да? – Артем кивнул в сторону испанцев.

– Где? – не поняла Оксана, окинув взглядом людей и прощупав местность сквозь них.

– Вот! – Артем кивнул опять. – Сейчас эти уйдут – покажу.

Подождали три минуты, пока немецкий гид не расстрелял весь запас испанских слов. Группа двинулась в сторону Унтер-ден-Линден, освободив пятачок, который так внимательно рассматривала.

– А где памятник? – удивилась Оксана.

– Вот он! – Артем показал рукой вниз.

Оксана подошла ближе и только тут увидела окно, вмонтированное прямо в гранитные камни. Стекло уже было изрядно зашаркано множеством ног, но все же сквозь его толщу отчетливо было видно подземное помещение. Его стены состояли из квадрата пустых книжных полок.

– Это памятник? – удивилась Оксана.

– По-моему, очень оригинальный! – Артем был доволен произведенным впечатлением.

Оксана сделала шаг в сторону к поблескивающей медными буквами табличке, также встроенной в гранит площади.

– Аааа, – протянула она, прочтя надпись. – Ясно. Тут нацисты жгли книги в тридцать третьем. Да, оригинально... Символично очень.

Оксана задумалась. Вновь посмотрела сквозь толстое стекло на пустые книжные полки. Подземный памятник освещался изнутри, что по замыслу авторов, видимо, символизировало свет знаний даже при уничтоженных источниках.

– Ну, с Марксом и Энгельсом понятно... коммунисты. И евреи. С Фрейдом тоже все ясно – просто еврей. Чем им не угодил Джек Лондон? Или Драйзер? Они коммунисты или евреи? Я не помню.

– У нацистов критериев запрета авторов и книг было несколько, – Артем пожал плечами. – Коммунизм, бульварное чтиво, книги антирелигиозные, аморальные и поливающие грязью фронтовиков Первой мировой. Составлением списка изначально занимался 29-летний библиотекарь по фамилии Херман. Я его фамилию легко запомнил, как ты понимаешь. «Плохой парень» в переводе на простой русский... Поручили ему составить список, он и составил.

– Ты что-то читал из запрещенного списка? Ну, кроме коммунистов, которых ты очевидно изучал. – Оксана улыбнулась.

– Издеваешься? – Артем картинно надул губы. – Драйзера и Лондона, конечно, читал. И Гашека, само собой. И Ремарка. Кстати, «На Западном фронте без перемен» в юности когда прочел, чуть не стошнило. Настолько реалистично описаны ужасы войны, что военным сразу расхотелось быть.

– Ты хотел стать военным? – Оксана засмеялась. – Какой из тебя военный? Разве что судья военного трибунала бы получился...

Образ военного судьи Каховского почему-то ее изрядно развеселил. Оксана жестами изобразила важного Артема: надула щеки и рубанула воздух воображаемым молотком.

– Младшего сержанта Оксану Бурмистрову за дезертирство – расстрелять!

– В камеру пыток, а затем расстрелять! – подхватил шутку Артем.

– А я, кстати, смотрела фильм «На Западном фронте без перемен», черно-белый, американский. Он же два «Оскара» взял в 30-м году. Я всех «оскароносцев» смотрела, – гордо заявила Оксана. – Ну, почти...

– Это кино, как и книгу Ремарка, нацисты запретили, чему я, кстати, совсем не удивляюсь.

– Я помню, там актер такой красавчик – Лью Эйрс, что главную роль сыграл. После этого отказался во Вторую мировую воевать с оружием в руках, настолько проникся образом своего героя. Служил санитаром, – поделилась Оксана знаниями о кино.

Ей нравилось, когда они обсуждали фильмы, это их с Артемом очень сближало.

– Все-таки фильм не то... в нем чувств не передашь, а книга... – протянул Артем.

– В кино очень даже можно передать чувства. Просто нужно внимательно смотреть, а не жевать попкорн! – рассердилась Оксана. – Я хорошо помню этот фильм и парня этого, новобранца, попавшего на фронт, помню отлично. И оторванные руки, висящие на колючей проволоке, это для фильма того времени было очень даже страшно. Я тоже понимаю, почему фильм в Германии запретили. Народу прививают патриотизм, героизируют войну и ее участников, а тут сплошная пацифистская пропаганда. Ремарк же сам вроде воевал и ему нетрудно было описать личные переживания. Он видел войну из окопов, а не на карте. Потому и книга получилась, и фильм!

Артем уважительно посмотрел на Оксану. Даже слишком картинно уважительно, что она, конечно же, заметила и опять разозлилась.

– Ну, чего опять? Не знал, небось? Завидуешь? – грозно нахмурилась.

– Малыш, нет, я реально не помню, кто там играл главную роль, – Артем взял ее за руку. – Да и зачем мне это помнить? У меня же есть ты!

Оксана улыбнулась примирительно.

– И есть интернет с Википедией, – Артем подмигнул.

– Вот гад! – Оксана шлепнула Артема по мягкому месту. – Прекрати немедленно сравнивать меня с кем-то и тем более с чем-то!

– Ну, не злись! – Артем в очередной раз за сегодня привлек ее к себе и поцеловал в сомкнутые губы. Оксана игриво их надула и на поцелуй не отвечала.

Двинулись дальше. Артем знал, что после «игрушечной обидки» пауза не должна затягиваться. Оксана обладала удивительной способностью ненастоящую обиду трансформировать в настоящую и развить ее до скандала. В такие моменты Артем приноровился заполнять паузу разговором, пока подруга еще помнила, что дуетесь понарошку.

– Кстати, Ремарк написал такую яркую антивоенную книгу не потому, что сам воевал, а потому что воевал очень мало. Всего два месяца.

– Это как? – Оксану заинтересовали слова Артема. – За два месяца так проникнуться?

– В том-то и дело! – Артем прищурился с видом знатока литературы. – Если бы воевал дольше, он бы привык и не смог так написать об ужасах войны и ненужности человека. Многие фронтовики, выжившие в войну, вспоминают не ужасы, а что-то хорошее, что тоже ведь случилось на фронте. Психика человека устроена так, чтобы привыкать и забывать, иначе можно рехнуться. Вот смотри, кого из писателей ты...

Артем не успел договорить, Оксана резко вскинула смартфон, блеснув стразами розового чехла, принялась делать «селфи» на фоне берлинского «Дома» – евангелического собора на углу Унтер ден Линден и Музейного острова.

– На питерский Исаакий похож, правда? – спросила она, пытаясь поймать нужный ракурс.

– Окси, тебе разве неинтересно? – удивился Артем очередной резкой смене фокуса внимания подруги.

– Очень интересно, Арти, – передразнила Оксана и переключила камеру на лицо Артема. – Я сейчас сделаю твое фото, подожди, замри!

– На фоне чего? – поинтересовался Артем, понимая, что стоит рядом с невзрачным строительным забором ремонтируемого оперного театра.

– На фоне воон того мудака, который преследует нас от самого отеля, – неожиданно жестко произнесла Оксана. – Не вертись!

Оксана сделала снимок, посмотрела в экран, приблизила изображение.

– Не видно ничего, – недовольно произнесла она.

Артем с видом потерявшегося туриста медленно повернулся. Успел заметить, как один из прохожих в черной панаме сделал такое же движение, и вроде как озирался по сторонам, изыскивая верный путь.

– Просто турист какой-то, как и мы, – Артем снова повернулся к Оксане.

– Да? Это легко проверить! – Оксана потянула Артема за руку в сторону подозрительного типа.

Артем подчинился и они сделали несколько шагов. «Панама», заметив их порыв, решительно зашагал в направлении под углом 90 градусов по Бебельплац, откуда они пришли десять минут назад. Оксана остановилась.

– Видал? Я его давно заметила. Азиат, одет по-крестьянски, ракурсы профессионально брал только там, где мы, а фотоаппарат у него – огого! Не наши с тобой мыльницы!

Артем, не отрываясь, наблюдал за «панамой». Тот замедлил шаг, продолжая озираться по сторонам, но откровенно не смотрел в их сторону. Поднял фотоаппарат, висевший на шее, сделал снимок фасада университета.

«Боковым зрением наблюдает», – подумал Артем, а вслух сказал:

– Обычная мыльница, допотопная к тому же. Не думаю, что лучше чем наши камеры для селфи. Что удивительного?

Оксана осматривала туфли, опасаясь, видимо, что за эти несколько быстрых шагов могла потерять каблук.

– Ты, я смотрю, специалист в фотоаппаратах! – язвительно сказала она.

– Ну, уж смогу отличить современную «зеркалку» от пленочной мыльницы из прошлого, – обиженно заявил Артем.

– Да? – Оксана не смотрела на него, наклонившись к туфлям. – Вот же черт, поцарапала!

Резко выпрямилась и закрыла глаза.

– Ох... Сейчас... В глазах потемнело... – задышала Оксана учащенно.

Простояв минуту, держась за руку Артема, чтобы не упасть в обморок, открыла глаза и улыбнулась.

– Милый, это немножко лучше «зеркалки». Сааамую малость! – она легонько потрепала Артема по щеке, как учитель ученика. – Это «Лейка Эм 9». Цифровой дальномерный фотоаппарат. Дальномер совместим с объективами, которые были выпущены начиная с 1954 года. Полностью совместим с любой оптикой, разрешение изображений – 18 мегапикселей. И знаешь, сколько он стоит?

Артем не нашел что сказать и только пожал плечами.

– Да, ты и не догадаешься! – Оксана еще раз взглянула на туфли, но Артем увидел, как метнула взгляд в сторону «панамы» с «Лейкой».

– «Эм девятые» начинаются от шести тысяч долларов. А этот... Судя по раритетной кожаной отделке, этот, очевидно, «Эм 9 Ньюман Маркус Эдишн», лимитированная серия, выпущенная только в Штатах в количестве 50 штук. И стоил он в новогоднем каталоге 17500 долларов. На эти деньги твоих смартфонов можно купить десяток.

Артем ошарашенно уставился на подругу. Конечно, она жила в Америке и наверняка могла знать об американском дорогом фотоаппарате. Тем более суперэсклюзивном. Тем более работая в сфере искусства, где полно фотохудожников, фотокорреспондентов, да и просто любителей фотографироваться на фоне яхт. Просто все это было странно. Оксана, а не Артем, заметила преследующего их невзрачного человека в панаме, проверила его, как заправский шпион, определила марку фотоаппарата и цену, и все это так ненавязчиво, рутинно, вроде и не придавая большого значения странностям происходящего, как будто ее интересовали только испорченные туфли и поиски скамейки перед посещением храма.

– Оксана, я... – Артем хотел сформулировать восхищение ее эрудицией, но Оксана опередила.

– Я жила в Америке, среди моих друзей много любителей хорошей техники. Этот фотоаппарат не исключение, – повторила она только что созданную Артемом мысленную модель. – Не хочу в храм. Пошли, покажу один музей. Он вроде тут недалеко, через остров музеев только пройти. Хватит «твоего» Берлина, я поняла уже. Теперь – «мой». Пошли!

Они пересекли Унтер ден Линден на временном светофоре перед основным зданием университета имени Гумбольта, прошли мимо исторического музея с дикой длинной очередью на выставку «Гитлер и немцы», в которую Артем попытался тут же пристроиться. Оксана оттащила, повторив заветные слова: «Теперь мой Берлин!»

Пройдя мимо Пергамского музея, прячущего за стенами выкопанный и перевезенный в Берлин целый античный город, вышли на мост у «Бодэ музея», под звуки уличного баяниста пересекли его и пошли дальше в сторону новой синагоги. Свернув сразу за еврейским храмом и пройдя милые полуподвальные кондитерские, цветущие дворики с галереями художников и уличными кафе, наевшись по дороге запахами ванили, кофе и весны, оказались перед зданием музея современного искусства, который Оксана вычислила без адреса, по развевающимся флагам на фасаде.

– Пришли! – сказала она и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

Внутри, сразу при входе оказалось кафе с грубыми деревянными лавками и длинными столами, за которые могли уместиться мелкие отряды древних воинов или крупные группы азиатских туристов. На прилавках были разложены brutальные сэндвичи с ветчиной, столь аппетитные на вид, что Артем немедленно заказал две порции с графином белого вина. Усевшись на наконец найденные скамьи, Артем и Оксана долго делали фото этих монстров, представлявших из себя две поджаренные краюхи хлеба с хрустящей корочкой, между которыми небрежно было набросано розовато-белое мясо свежайшей ветчины, украшенное кружками

ярко-красных помидоров и зелеными листиками салата. Под мозельское вино рты Артема и Оксаны дружно погрузились в эти шедевры кулинарного минимализма, так что десять минут тишину пустого кафе нарушало только чавканье и мычание.

– Какая же вредная и вкусная гадость! – глядя на Артема слегка окосевшими глазами, сказала Оксана. Вытерла салфеткой губы и соорудила ими призыв к поцелую.

Артем потянулся к ее лицу, не прожевав как следует откушенный кусок, и звучно чмокнул.

– Еще! – призвала Оксана. – Жлоб!

Артем еще раз чмокнул ее влажные от жирной ветчины губы.

– Всеравно жлоб! – сказала Оксана и подняла бокал, разглядывая прозрачность вина.

Сделала еще один глоток и закатила глаза.

– Чего-то я спьянилась с тобой. Так и до женского алкоголизма недалеко.

– Тогда пошли, мой друг! Не вином и хлебом единым жив человек! – Артем взял девушку за руку, когда она попыталась прилечь на скамью.

Поднявшись по невзрачной лестнице на второй этаж, который в Германии считается первым, они оказались в огромном зале, где были развешаны произведения живописи современных художников. Сразу взору предстало огромное полотно, на котором была изображена гигантская ядовито-желтая клякса, из которой росли лапы и хвост. Клякса была коронована, так что изображение очень отдаленно и крайне ассоциативно напоминало короля в мантии. Очень отдаленно и крайне ассоциативно.

Артем и Оксана, не сговариваясь, посмотрели друг на друга и сначала прыснули от смеха, а затем громко рассмеялись. Гулкое эхо подхватило смех, стукнуло пару раз о высоченный потолок и потревожило задремавшую смотрительницу. Та, видимо привыкшая к подобным проявлениям восторга, только улыбнулась.

– Мне кажется автора просто случайно вырвало на холст! – задыхаясь от смеха предположил Артем.

– А потом он придумал дорисовать лапки и корону! – еле выговорила Оксана. – Это живопись, мой друг! Это она, современная живопись!

Парочка руссо туристо раскатисто прокатилась по другим залам музея, комментируя особенно яркие произведения. Около земного шара, сделанного из настоящих мышинных черепов, Оксана присела на корточки и попросила отнести ее в туалет. Артем еле уговорил даму дойти до лифта мелкими шагами, стараясь не наследить.

Ожидая у двери в WC «спьянившуюся» подругу, Артем осоловевшим взглядом целился сквозь фойе музея в гигантское фасадное окно.

На секунду в нем мелькнул азиат в панаме с элитным фотоаппаратом на шее.

Глава 13

По пути в отель Оксана сделала все, чтобы поссориться. Артем понимал, что барышня вовсе не жаждала скандала, просто врожденные «тараканы» в голове не уживались с «бабочками в животе», как однажды сама и подметила.

Ядовитые колючки в слоновью шкуру терпения Артема полетели сразу по выходу из музея, когда легкое вино еще не выветрилось.

Началось все с гомофобной шутки, которую Артем позволил отпустить. Неожиданно Оксана вступилась за геев, и Артем был вынужден защищаться, сообщив, что против геев ничего не имеет, а лесбиянок вообще искренне уважает, но категорически против пропаганды гомосексуализма.

– Не хочу чтобы это стало моей обязанностью, вот почему я против! – сказал Артем, улыбаясь.

Затем развил тему, предположив, что пропаганда гомосексуализма однозначно кем-то управляется, есть лидеры, которые засели в правительствах мировых держав, так что речь вовсе не о свободе выбора партнера, а элементарно о борьбе за власть.

– Для захвата власти нужны понятные лозунги, поддерживаемые простыми людьми. Так было при Ленине, опиравшемся на беднейшее крестьянство; так было при Гитлере, использующем национальные струнки; так и сейчас, когда кто-то обращает в политический капитал нетрадиционную ориентацию, – победно заключил Артем.

Оксана в ответ неожиданно выдала целую лекцию по социологии, сопровождая ее непарламентскими выражениями в адрес неразумно увеличенного эго своего друга.

– Арти, ты говоришь абсолютную чушь. Какие лидеры? Какой захват власти геями? Ты историю, что ли, не изучал? Тут же очевидно работает неумолимая логика исторических процессов. Как искусствовед со стажем тебе говорю, – Оксана говорила это с таким напором, что Артем перестал улыбаться. – Смотри, в эпоху модерна существовали три идеологии: либерализм, коммунизм и фашизм, и каждая из них боролась за право представлять модерн, как единственная правильная идеология.

– Я слышал об этом, – попытался Артем избежать льющегося на него водопада слов.

– В либерализме... А, ладно, потом о либерализме. В коммунизме субъект истории – кто? Класс! В фашизме – раса или государство, – не слушая его, продолжала бушевать Оксана. – Либерализм с коммунизмом победили фашизм в 1945-м, а потом либерализм победил коммунизм в 1991-м году. Я утрирую, конечно. Но! Вот скажи, кто в либерализме субъект истории?

– Ну, кто? – нехотя спросил Артем.

– Личность! Не класс и не нация! Личность! Типа, свобода от всего! От всех традиций и групп. Никаких тебе религий или наций. «Я» – это я, вот смысл либерализма!

Оксана взглянула в непонимающие глаза Артема.

– Взять женщин! Например, женщина – тоже личность! Не улыбайся так гнусно...

Оксана выстрелила глазами в Артема, который и правда улыбнулся.

– Да, я не... – начал было оправдываться, но Оксана продолжила.

– Свобода женщин от традиционных домашних обязанностей в форме западного феминизма; вот тебе, кстати, и низкая рождаемость! Именно здесь родились эти долбанные западные «права человека». Именно здесь и появилась массовая миграция в Европу из стран третьего мира: ведь либерализм считает, что нерожденного немца можно заменить сирийским арабом, как человеческой единицей (и налогоплательщиком).

Артем начал потихоньку улавливать в пьяном щебетании спутницы неумолимую логику и знание предмета, странным образом сочетавшиеся с практически идеальной по красоте внешностью Оксаны.

– Я слышал, нынешняя наша эпоха называется уже не модерном, – решил проявить себя под стать собеседнице Артем.

Оксана внимательно посмотрела на него, как бы раздумывая, издевается он или дружелюбно подтрунивает. Артем добродушно смотрел на девушку голубыми глазами бравого солдата Швейка, так что Оксана только улыбнулась и смягчила тон.

– После 1991 года мы перешли в период постмодерна, другого названия я не знаю.

– Тогда и либерализм стал постлиберализмом? – лукаво спросил Артем.

– Вот именно! – глаза Оксаны опять наполнились огнем, в голосе снова зазвенела сталь. – Поэтому, достигнув свободы «от чего-то», теперь личность бесконечно делится на части. Например, один и тот же человек может быть католиком и геем одновременно, можно менять пол, сексуальную ориентацию и всё такое. Теперь же политика «прав человека» – это политика меньшинства против меньшинств, и их становится все больше: трансвеститы, бисексуалы, радикальные мусульмане на Западе, одно противоречит другому, и все качают «права». И весь этот дурдом происходит в обществе потребления, ведь либерализм пришел вместе с капитализмом, в котором один человек отличается от другого только в плане вкусов шоппинга, «фэшн» и голливудских фильмов. Кожа разного цвета, но думаем одинаково. И тупеем.

– Грустно... – согласился Артем. – Может плохо кончиться.

Оксана кивнула.

– Этот процесс может остановить только очень серьезный экономический кризис, когда вдруг кончится нефть, например. Или вода. Может, это и приведет к некому переосмыслению ценностей и возвращению к традициям. Ну, или война. Как обычное явление в человеческой истории. Блин, я зря надела туфли, ты был на редкость прав!

С этими словами Оксана сняла двух убитых немецкими тротуарами итальянцев и оставила их сиротливо лежать на холодной брусчатке.

– Бомжи доносят, – ответила она на вопросительный взгляд Артема.

– Мы идем на ужин сегодня, помнишь? Тебе надо купить туфли? – разумно поинтересовался Артем.

– У меня есть. Думаешь, с чего ты так надрывался, таская мой огромный чемодан. Там туфель на эмиграцию хватит, а не просто на уикенд! – Оксана громко икнула.

– Энтшульдиген зи битте! – сказала она, приложив ладонь к животу. – Я тут с тобой отъелась и обпилась. Надо меньше жрать! Кстати, помнишь моего друга, который гонщик на раритетных тачках. Лёху? Он нас катает на «Руссо-Балте».

Лёха был другом из тусовки Оксаны, состоящей из нескольких семейных пар и просто мужчин и женщин, иногда собирающихся вместе на дни рождения, пикники и зарубежные поездки: от гонок раритетных вёдер до посещения премьеры оперы в Ла-Скала. Публика там была разношерстная, люди разных профессий, но все с лишним высшим образованием и потребностью к общению без корыстных интересов.

Артем не был допущен в круг избранных, Оксана никогда его не приглашала, то ли по причине понимания краткосрочности их отношений, то ли в этой компании у нее был свой такой же временный «Артем», с которым неудобно было сводить адвоката Каховского. Артем допускал, что этот самый Лёха, пилот «Руссо-Балта», и есть временный ухажер.

– С Лёхой не знаком, но много слышал, – ответил Артем. – Ты часто о нем говоришь с придыханием.

– И, кстати, есть почему! – воскликнула Оксана. – Ты знаешь, какой он молодец! Он похудел на двадцать килограммов! Просто взял и за полгода похудел! Был такой толстый, а сейчас просто Ален Делон! А ему 42, кстати! Просто красавец! Ммммм...

– И что? – Артем посмотрел на Оксану, понимая, что ссора неизбежна.

– Как что? – Оксана продолжала себя заводить. – Сила воли, понимаешь! При этом он не вываливает в Фейсбук всякие фото в спортзале, как твои друзья, он просто сделал себя! Молча, никому не говоря, мы все обалдели, когда его увидели!

– Ну, я тоже не вываливаю фото в Фейсбук из спортзала, – Артема тоже начинала заводить тональность разговора. – И мои друзья, кстати, если и выкладывают там что, делают это для примера. Чтобы показать себя. Среди них есть и мастера спорта, кстати, и пожилые сенаторы. Для чего иначе соцсеть?

– Они просто кичатся друг перед другом! А вот Лёха не выходит в соцсеть! Лёха просто самодостаточный и наполненный смыслом. Он стал ходить к бабушке через день, понимаешь? Человек вдруг взял и все переделал в жизни. Начал изменять и тело, и душу. И не кичится этим! Не то, что твои мастера спорта, айронмэны недоделанные. В каждой картинке самолюбование. «Я пробежал 40 километров сегодня, а мне пятьдесят!», «У меня сопли на финише длиннее, чем у Бьёрндаллена», тьфу... Противно! Да и ты! Ты не постишь в Фейсбуке физкультурные достижения на велотренажере, честь тебе и хвала! Но ты вечно цитируешь Евангелие! К месту и не к месту. Нашелся тоже, грешник, познавший истину и возомнивший себя Иисусом.

Артем с нескрываемым раздражением посмотрел на Оксану. В голове мелькнула шальная мысль снять другой отель и сбежать от нее, пока день окончательно не был испорчен. С чего она так завелась, было непонятно. Такое часто случалось, но обычно Оксана быстро приходила в себя и становилась самым нежнейшим существом на свете после подобного поведения. Но именно такое поведение Артему нужно было сначала пережить, чтобы не совершить убийства или другого неразумного поступка.

– Оксана, ты же сама говорила, что связалась со мной, потому что я, в отличие от других твоих знакомых мужчин, гораздо шире. И не в плечах, а в ином измерении. Что-то такое ты говорила про «глубины моего интеллекта», «силу моей воли», будто с морем сравнивала. Было такое?

– Было! – не задумываясь ответила Оксана. – Но...

– А твой Лёха, он кто? – спросил Артем. – Я о нем ничего не знаю, кроме того, что он катается на раритетной тачке и душа вашей компании.

– Он... Ну, я ж сказала! Он сейчас занялся собой, стал религиозен...

– Я понял, – Артем перебил. – Я спрашиваю, кто он? По жизни. Семья, дети, работа. Кто он, кроме того, что смог заняться собой, измениться и начать участвовать в гонках старых машин?

– Он... Ну, у него нет детей и он никогда не был женат. А работает он... В какой-то крупной полугосударственной компании суперкрутым программистом. Я точно не знаю. Но он очень непростой, вдумчивый и глубокий парень. Абы каких детей ему не надо! Хочет только по любви, большой и чистой. А любовь, как понятно, не ищется, она сама приходит.

Артем улыбнулся. Ему стало очевидно, что Оксана пьяна. В этом состоянии ее агрессия была неумолима, как пролетарская ненависть к буржуазии. Понятно, что Оксана высказалась и иссякла. Лёха – бессемейный, бездетный мужик в кризисе среднего возраста, с непонятной профессией, работающий в непонятной и неизвестной Оксане конторе, вдруг явился для нее идеалом мужской воли и внутренней духовной полноты. Такие слагаемые сформировали в голове у Артема образ.

Не без удовольствия он решил поделиться им с подвыпившей подружкой, от которой пока еще не решил, бежать или нет.

– Малыш, почему ты восхищаешься прозрачностью лужи, но всегда ищешь и находишь мусор в прибрежной линии моря?

Оксана остановилась.

– Что? – посмотрела на Артема, не понимая пока его мысли. – Объясни-ка? Опять твои образы?

– Мне непонятно, почему ты так восхищена мужчиной, который к зрелым годам не стал никем, не обзавелся ни семьей, ни детьми, ни известностью и который всего лишь навсегда перестал жрать на ночь, узнав, что напротив дома есть церковь.

Оксана задохнулась от желания высказать что-то резкое, но слова так и застряли в горле.

– Я... – только и смогла произнести.

– Ты! – понимая, что одерживает победу, сказал Артем. – Нет, я не против, верю, что Лёха классный парень. Вероятно, даже умный и увлеченный мэн, раз уж ездит на «Руссо-Балте». Но... Меня другое интересует, как так можно восхищаться прозрачностью лужи, находясь рядом с морем? И как можно ругать море за прибрежную грязь, ставя ему в пример чистые края лужи? Не понимаешь? Как у тебя, такой умной для твоей красоты барышни, возникает мысль сравнивать? Как можно морю говорить – «Да, ты вот глянть, у тебя загажены берега и вода мутная. Глянть на Лёху! Он втихую похудел на 20 кг, он – красавец! Наполненный смыслом жизни и сиянием Бога человек. А ты, ходячий цитатник Евангелия, ты, конечно, – море, но тебе и твоим друзьям обязательно надо этим кичиться! Вам обязательно нужно грохнуть грязной волной о берега Фейсбука, чтоб доказать, что вы все – крутое море. Бери пример с Лёхи!» То есть с лужи! Так?

– Я... – опять задохнулась Оксана, а Артем продолжал.

– Правда жизни в том, малыш, что морю абсолютно наплевать на лужу и её прозрачность. Лужа – это всего лишь маленький выдох моря в тёплую погоду, случайно пролитый дождиком на сушу. Не более того! Поэтому ни я, ни мои друзья – состоявшиеся люди, с детьми, семьями и своими страницами в Википедии – не будем брать пример с твоего Лёхи. Хотя он, повторюсь, наверняка классный парень, особенно на шашлыках.

Оставшиеся до отеля двести метров шли молча. До званого ужина оставалось чуть более трех часов. Артем пытался заговорить с замкнувшейся подругой, но та после двух молчаливых ответов на вопросы, только процедила сквозь зубы:

– Сейчас самое время нам обоим выдохнуть и помолчать.

Придя в номер, Оксана быстро скинула с себя платье, плюхнулась на застеленную кровать прямо в нижнем белье, и, отвернув край покрывала, прикрыла им тело, образовав что-то вроде кокона.

– Я посплю часок. Разбуди меня.

Артем походил немного по номеру, снимая с себя по очереди рубашку, брюки и носки, погрохотал дверками шкафа и падающими вешалками, но Оксана уже спала.

Взял ноутбук и прилег рядом на кровать. Посмотрел внимательно на лицо Оксаны, задумался. Красивая женщина, вызывающая противоречивые чувства от любви до ненависти в очень короткий промежуток времени. Такой, как сегодня, она была всегда. Может быть, именно в этом был секрет ее столь долгого пребывания рядом с Артемом. Никого из знакомых дам он более не брал с собой в зарубежные поездки, только ее, несмотря на возможность скандалов и неожиданных смен настроения. Сама Оксана говорила, что он ее терпит не потому, что очень добрый, а потому, что она «в отличие от его крашенных дур не заглядывает ему в рот и кошелек». Действительно, Оксана никогда не разводила его на «туфельки и платypiшки», а если и отдавалась шоппину, то только «за свои», и тогда, когда Артема не было рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.